

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ИСЧЕЗНУВШИЙ

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Исчезнувший
Серия «Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42366630
Исчезнувший: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-101415-5

Аннотация

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове – герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров.

Полковник МВД Станислав Крячко приезжает в Воронеж к своему знакомому. Но не застаёт того на месте. Нет его ни у родных, ни на работе. В пустой квартире исчезнувшего приятеля Крячко находит визитку подпольного элитного клуба. Сыщик решает проверить заведение. Он идет по указанному адресу и... оказывается в заложниках. Помощи ждать неоткуда. Вся надежда на Льва Гурова, находящегося в Москве, и на собственную оперативную смекалку...

Содержание

Исчезнувший	5
Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	53
Глава 4	74
Глава 5	97
Глава 6	121
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Николай Леонов

Исчезнувший

© Макеев А.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Исчезнувший

Глава 1

Светло-серый внедорожник «Шевроле Нива» стремительно катил по ровному асфальтовому покрытию, чуть влажному от утренней росы. Автомобильная трасса М-4 «Дон», больше известная, как Ростовская, подходила к поселку с нелепым для населенного пункта названием Горожанка. Позади остались и Ефремов, и Елец, и Задонск вместе с платными участками дороги. Стрелка спидометра на приборной панели «Нивы» приклеилась к нештрафуемой отметке в сто сорок девять километров в час. Еще две недели назад допустимая скорость на трассе не превышала ста десяти, но сезон отпусков благополучно подошел к концу, и всемогущий «Автодор» великодушно увеличил эту цифру аж на двадцать километров, что в головах водителей рисовалось не иначе, как сто пятьдесят без единички.

Полковник Московского уголовного розыска Стас Крячко пребывал в приподнятом настроении. Еще бы ему не радоваться. Наконец-то закончились его мучения. Долгие часы, проведенные в душной больничной палате, когда к его телу старательными руками медсестер были подключены с десятков различных датчиков, собирающих и анализирующих ин-

формацию об изменениях в состоянии его организма, сменил свежий воздух, недельный отпуск и просто нереальное ощущение свободы.

В госпиталь Крячко попал, как он считал, по собственной глупости. «Ибо не хрена черепушку кому попало подставлять», – так он отбивался от нападок лучшего друга, а по совместительству и сослуживца, Льва Гурова, когда тот пытался отговорить его от поездки. Ты слишком слаб, твердил он, пока Крячко бросал в дорожную сумку обязательную смену белья, зубную щетку и бритвенный набор. Слаб! Да он в жизни не чувствовал себя таким отдохнувшим, и о том, чтобы сменить больничную постель на продавленный домашний диван, и думать не хотел.

В какой-то момент Гуров пригрозил, что привлечет к вразумлению послеоперационного больного самого генерала, раз уж он не желает слышать ни голос разума, ни доводы равного по званию. Пусть, мол, Орлов прикажет Крячко соблюдать постельный режим, предписанный лечащим врачом. Но какое там! Стас и слышать не желал ни о реабилитации, ни о постельном режиме. Поеду, и точка – этим закончился разговор друзей.

С жалобами к генералу Гуров, разумеется, не побежал, да и от Стаса в итоге отстал, получив клятвенное заверение в том, что тот будет звонить ему дважды в день с отчетом о состоянии здоровья. А состояние Крячко, и правда, было отличное, в этом он не кривил душой. Головные боли сошли

на «нет», шрам не ныл, перевязки отменили, а погода словно шептала: хватай сумку, прыгай в машину и кати куда глаза глядят.

Глаза Крячко глядели на Воронеж, вернее, на поселок городского типа под названием Панино, что в Воронежской области. В этом уютном, экологически чистом местечке жил его давний приятель, Николай Ольшевский. С Ольшевским Крячко связывала весьма пикантная история знакомства. Разумеется, история касалась женщины. Женщин Стас вниманием не обходил, да и они практически никогда не могли устоять перед его обаянием и умением красиво ухаживать, так что в этом плане полковник был избалован.

Когда-то давно, тогда еще капитан милиции Стас Крячко приехал на черноморский курорт с уверенностью в своей неотразимости и кучей нецеломудренных планов. Заселился в шикарный гостевой дом с многообещающим названием «Экзотик», забросил вещи в номер, сменил классические брюки и рубашку на пляжные шорты с футболкой и отправился на «охоту». Какое место в гостевом доме можно считать наиболее перспективным для реализации плана, ему и думать не было нужды. Конечно, бассейн. Там, что называется, три в одном: фигура на виду, наличие бойфренда или отсутствие такового, и истинная цель посещения курорта за секунду становится очевидна. К тому же и своими бицепсами есть возможность пощеголять. Ради этого он и выложил кругленькую сумму из своего весьма скромного бюджета.

Прихватив со стойки бара кружку пива, Крячко неспешным шагом прошелся вдоль бассейна, осматривая контингент натренированным взглядом. Милых дам с чересчур пышными формами отмел сразу. Девиц, томными взглядами провожающих дядечек с внушительными животами, к которым прилагался не менее внушительных размеров кошелек, пропустил, хоть и с некоторым сожалением. Уж больно интересные экземпляры попадались среди искательниц «папочек». Тех, у кого на соседнем шезлонге возлежала особь противоположного пола, проигнорировал более решительно. В итоге осмотром остался недоволен, так как выбор оказался невелик: две девицы-тинейджера, нервно хихикающие под настойчивыми взглядами парней с гор, нервное трио девушек постарше, внешним видом больше походивших на селедок, только-только вынутых из консервной банки, да две-три одинокие фигуры, которых наверняка не прельстила бы возможность приятно провести время в компании бравого капитана.

«Ничего, это только начало, – успокаивал сам себя Крячко. – Время обеденное, вот вечер наступит, тогда и клев пойдет». Он развернулся, собираясь подняться в номер, и тут на дорожке, ведущей к бассейну, появилась Она! Женщина-сказка, женщина-мечта! Длинные стройные ноги, пышный бюст, осиная талия. Белокурые волосы струятся чуть не до поясницы. Купальник цвета электрик выгодно оттеняет бронзовую от загара кожу. А глаза! Какие у нее были глаза!

Крячко буквально утонул в их бездонной голубой глубине.

Заметив реакцию Крячко на свое появление, девушка не начала жеманиться, не состроила недовольную гримасу. На ее полных губах, едва тронутых светлой помадой, появилась улыбка. Открытая и искренняя. «Все, дружок, ты пропал, – пронеслось в голове Стаса. – Вот она, твоя судьба». Он успел сделать всего один шаг навстречу девушке, когда от барной стойки отделилась фигура и скрыла от него эту восхитительную картину. Широкая спина конкурента не озадачила Крячко, напротив, возбудила в нем дух соперничества. «Шалишь, малый, эта девушка будет моя», – мысленно произнес он и решительно двинулся вперед.

Он поравнялся с мужчиной, так внезапно вторгшимся в его планы, обошел его сбоку, получив возможность любоваться неземной красотой приглянувшейся женщины. Широкоплечий мужчина на появление Крячко не обратил ровным счетом никакого внимания. Он заливался соловьем, стараясь поразить девушку своей эрудицией и обходительностью. Стас втиснулся в пространство между мужчиной и девушкой своей мечты и, не придумав ничего оригинальнее, коротко бросил:

– Привет!

– Доброе утро! – Улыбка вновь тронула губы девушки, а Крячко снова завис. Ее голос звучал, как звон серебряного колокольчика. Бальзам для измученных прокуренными ба-сами ушей капитана.

– Эй, парень, не досаждай девушке! – с угрозой в голосе произнес соперник.

– Я вам досаждаю? – обратился Стас к девушке.

– Нисколько, – просто ответила она.

– Вот и прекрасно! Не хотите прокатиться на катере? Здесь отличный сервис, – выпалил Крячко первое, что пришло на ум. Когда регистрировался в гостинице, он, по профессиональной привычке, зафиксировал все рекламные объявления, расположенные на стойке регистратора, и теперь эта информация всплыла в памяти. Весьма своевременно всплыла.

– На катере? Разве здесь ходят катера? – пропела своим колокольчиковым голосом девушка.

– Можно и на яхте, но это не так увлекательно. Катер – это скорость, морской воздух и ветер в волосах. Соглашайтесь, – напирал Крячко.

– Не слушайте его, Светлана, – вклинился мужчина, отодвигая его своим крепким плечом. – Погода сегодня не для морских прогулок. К вечеру обещали дождь. Вы ведь не хотите промокнуть до нитки в утлой лодчонке или сидеть в тесной душной каюте, вместо того чтобы прогуливаться по пирсу в приятной компании?

– Прогулка по пирсу? – Колокольчики в голосе девушки выдали нотки сомнения, и Стас понял, что соперник может победить.

– Одно другому не мешает, – решительно заявил он. –

Сейчас катер, а вечером пирс. Как вам такая перспектива? Меня, кстати, Стас зовут. А вас, как я понял, Светлана?

– Да, именно так. – Улыбка не сходила с лица девушки.

– Светлана и Стас. Чудесное сочетание, вам так не кажется? – Крячко незаметно оттеснил мужчину в сторону, но тот сдаваться не собирался.

– Николай и Светлана – сочетание не менее приятное, ведь так, Светлана? – крепко упершись ступнями в землю, удерживал позиции соперник. Выглядело это довольно комично: два взрослых мужика стоят перед девушкой и пытаются спихнуть друг друга с дорожки. Мышцы и у того, и у другого напряглись, лица покраснели, ноги буквально приросли к тротуарной плитке, а уж про выражение их лиц лучше и не говорить.

Светлана какое-то время смотрела на их противостояние с улыбкой, затем не выдержала и рассмеялась:

– Мальчики, вам ситуация не кажется абсурдной?

– И я о том же. Не лучше ли перенести наш разговор на борт шикарного катера? – продолжал стоять на своем Крячко. – Чтобы посторонние не мешали нашему общению.

– Знаете, я тут подумал и решил: катер не такая уж плохая идея. Мы можем прямо сейчас отправиться на пирс и зафрахтовать катер. Любой, какой вам понравится, – выдал Николай. – Решайтесь, Светлана. Уверен, вы не пожалеете. Я обеспечу вам незабываемую прогулку.

– С этим мужланом? Вы? Да бросьте! – не выдержал Кряч-

ко. – Уверен, с ним вам станет скучно уже через десять минут, тогда как я смогу развлекать вас хоть до утра.

– Не спорьте, мальчики! – Колокольчики зазвучали совсем уж нежно, отчего у обоих мужчин перехватило дыхание, по спине поползли мурашки, а мысли начали выдавать такие картины, о которых в компании дам говорить не принято. – Мы могли бы прокатиться по морю вместе.

– Вместе? – одновременно выдохнули Стас и Николай. Первый – с возмущением, второй – с надеждой.

– Ну да, – кивнула Светлана. – Уверена, прогулка окажется незабываемой.

– В смысле, втроем? – не веря своим ушам, переспросил Крячко.

– Именно втроем, – подтвердила девушка.

– Нет, это несерьезно, – чуть обиженно заявил Крячко.

– Почему бы и нет? – легко согласился Николай. – Лично я за идею Светланы, но если Стаса это не устраивает, настаивать не будем. Пойдемте, Светлана, похоже, молодой человек предпочитает остаться здесь.

– Нисколько, – быстро проговорил Стас. – Если девушка хочет, я не возражаю.

Спустя каких-то полчаса вся троица уже качалась на черноморских волнах, да не на скромном катере, а на шикарной яхте. Вопрос оплаты аренды яхты и услуг капитана прошел гладко, несмотря на то, что Крячко пришлось выложить чуть ли не все свои сбережения. Свою долю он выложил с таким

видом, будто для него является нормой вываливать крупные купюры на стойку кассы. Он был уверен, что своим жестом произвел впечатление на Светлану, но вот обмануть Николая ему явно не удалось. Тот же с деньгами расстался легко, что послужило лишним поводом к расстройству для Крячко. В финансовом отношении он конкуренту проигрывал, и проигрывал серьезно. Однако это его не остановило.

Прогулка проходила легко и непринужденно. Для Светланы. Она наслаждалась теплым ветром, шумом двигателей и приятной компанией. А вот Николай и Стас из кожи вон лезли, чтобы завладеть вниманием девушки единолично. Где-то через час погода испортилась: начал моросить дождь, и капитан предложил отдыхающим пройти в кают-компанию. И вот тут и произошло знаковое событие, которое связало Крячко и Ольшевского на долгие годы. Инициатором же события выступила Светлана.

В кают-компании было тепло, сухо и уютно. Играла приятная, ненавязчивая музыка, в баре оказалось достаточно легких спиртных напитков, а так как и эта часть мероприятия была оплачена, парни не преминули воспользоваться представившейся возможностью. Когда выпитое спиртное слегка затуманило мужчинам мозги, Светлана вдруг заявила:

- У нас проблема, мальчики.
- В чем проблема? – тут же спросил прямолинейный Николай.
- Вы мне нравитесь. Оба. Вы так хороши, что я просто

не смогу сделать выбор. А сделать его придется, вы же не собираетесь весь свой отпуск потратить на общение втроем?

Николай тут же решительно замотал головой. Его перспектива прогулок втроем однозначно не прельщала.

– Вот видите, – заключила Светлана. – У нас проблема.

– Из любой ситуации есть выход, – оптимистично выдал Николай. – Просто мы не с того начали. Думаю, если встречу продолжить с глазу на глаз, вы сможете сделать выбор.

– Это слишком долго, – заявила Светлана. – Есть предложение получше, – и без обиняков выложила свой план.

Он был прост и гениален одновременно. Подвыпившим мужчинам он уж точно понравился. В кают-компании стоял бильярдный стол. Светлана предложила провести партию в бильярд, и тот, кто одержит победу, с тем она и останется. Николая заявление Светланы слегка покорило, Стаса напугало, но ни тот, ни другой не нашел в себе смелости отказаться.

Для игры выбрали «американку». Первую партию Николай проиграл всухую. Вторую, с небольшим отрывом, но взял. Мужчин захватил азарт, Светлана же явно наслаждалась происходящим. После третьей партии, которая закончилась вничью, она заявила, что следует оживить игру. Выставила на бильярдный стол бутылку текилы и тридцатиграммовые стопки и сказала, что теперь за каждый забитый шар противник должен будет опустошить стопку. Кто останется на ногах к концу соревнования, на том и остановится ее выбор. И

снова оба мужчины не нашли в себе сил противостоять желаниям девушки с ангельской улыбкой и колокольчиковым голосом.

Игра началась. Николай бился отчаянно. Было видно, что в бильярде тот не силен, но ему невероятно везло. Сам Крячко с бильярдом всегда был на «ты» и в своей победе несколько не сомневался, даже после трех проигранных партий. Но Николай не отступал. Всякий раз, как только Стас начинал брать верх, он совершал отчаянный рывок и сравнивал счет. К тому моменту, когда истекло время прогулки, оба едва держались на ногах от выпитого и совершенно забыли о том, каков главный приз. Теперь мужчинами владело единственное желание: победить любой ценой. Доказать себе и противнику, что он лучший.

Вот почему время прогулки с двух часов увеличилось до шести, а количество пустых бутылок из-под текилы дошло до трех. Вот почему кий в нетвердых руках игроков все чаще промазывал даже мимо беспроигрышных шаров. Игра шла уже не на интерес, ею двигало мужское самолюбие.

О том, что текила, как и аренда бильярдного стола, не входят в общую оплату зафрахтованной яхты, Николай и Стас узнали позже. Гораздо позже. Тогда, когда под утро проснулись в пустой комнате кают-компания с убийственной головной болью и мерзким привкусом во рту. Светланы нигде не было, что ничуть не удивило ни Николая, ни Стаса. Вместе с жутким похмельем до мужчин дошел очевидный факт: де-

вушка с ангельским лицом и колокольчиковым голосом всего лишь «подставная утка». Наемная девица, которая разводит мужиков на бабки, и только.

Поохав и похмелившись, мужчины посочувствовали сами себе, пожурили друг друга за то, что попались на классический развод, после чего начали знакомиться. Противник Стаса оказался фермером из Воронежской области, Николаем Ольшевским. Представление Стаса он воспринял с юмором. Капитан милиции, попавшийся на развод, – это даже круче самого развода. Минут десять Николай юморил по этому поводу, пока Стас, не в силах дать физический отпор ввиду сильного похмелья, не заговорил про деньги. О том, что они попали на большие бабки, Николай даже не подумал.

Капитан яхты как мысли их прочитал – явился в уют-компанию и предъявил счет. Сумма, указанная в счете, напрочь смела и смех, и подколы. Таких денег не было даже у зажиточного фермера, что уж говорить о капитане милиции? И все же выручил их из беды как раз капитан. Быстро сообщив, что лучшая защита – это нападение, Крячко предъявил капитану красные «корочки» и начал плести историю про служебное задание, связанное с денежными аферами на черноморских курортах. Неизвестно, поверил ли ему капитан, но денег с них после этого требовать перестал. Выдал настоящее имя и фамилию Светланы и заявил, что идея с бильярдом целиком и полностью ее, а он, капитан, провернул эту аферу впервые.

Разошлись с капитаном полюбовно. Он простил им долг за прогулку, взамен чего Крячко пообещал не привлекать его к судебным тяжбам, когда Светлану загребут силовики. Оказавшись на причале, Николай и Стас какое-то время стояли молча, наслаждаясь запахом свободы, после чего Николай предложил отметить благополучное разрешение проблемы в ближайшем баре. После посещения бара между Ольшевским и Крячко завязалась настоящая мужская дружба, срок которой в этом году подходил ко второму десятку. Разумеется, никакого судебного разбирательства относительно Светланы Стас предпринимать не стал. Не такой он дурак, чтобы ставить себя в глупое положение перед коллегами. Черноморские аферы – не его сфера деятельности, решил он и спустя неделю благополучно вернулся домой.

Вот такая история связывала Стаса Крячко с другом, к которому он ехал в свой законный отпуск. Надо заметить, что о приезде Стаса Николай Ольшевский не знал, как говорится, ни сном ни духом. Сюрпризы Стас обожал, потому и не посчитал нужным заранее уведомить друга о своих планах. Жил Ольшевский один, ни жены, ни детей, так что своим внезапным появлением Стас никому хлопот не доставит, а так как он твердо верил, что тщательно спланированные мероприятия, как правило, оборачиваются чем-то совершенно непредсказуемым, то давным-давно перестал заморачиваться их составлением.

Взять, к примеру, их с Гуровым поездку в поселок Гари,

где их ждал друг Стаса, Серега Девлягин. Не то чтобы Крячко тщательно планировал эту поездку. Позвонил Девлягину, предупредил о своем приезде, заказал охоту на уток, так как Серега подвизался егерем в Гаринском районе, славящимся утиной охотой, быстренько купил билеты, и они с Гуровым отправились в путь. Разумеется, дорога не обошлась без накладок, но до места они все же добрались, и с Серегой встретились так, как и рассчитывал Стас.

Но на этом реализация планов и завершилась. Вместо желанной охоты полковникам пришлось расследовать запутанную историю об исчезновении рейсового автобуса и найденных в тайге трупах. Вот вам и планирование. Нет, всякие там проекты и расчеты не для Крячко. Спонтанность – вот лучший девиз, и никому на свете не удастся убедить его в обратном. Он уже предвкушал, как ввалится в дом Ольшевского, точно снег на голову среди жаркого лета. Представлял, какое выражение лица станет у друга, когда он сообщит ему, что собирается пробыть в Панино без малого неделю.

В том, что сюрприз окажется для Ольшевского приятным, Крячко не сомневался. Когда они виделись последний раз? Лет восемь назад? Нет, пожалуй, все девять. Все это время их связь ограничивалась парой звонков в год, да пустыми мечтами о том, как было бы здорово снова встретиться, вспомнить молодость и махнуть на черноморский курорт. И вот теперь их мечта превращается в реальность, пусть и без курорта. Круто? Конечно, круто!

Дорогу до дома Ольшевского Стас знал не очень хорошо. Он и был-то у друга всего раз, как правило, их встречи происходили в Москве, а так как после Воронежа ехать предстояло все больше дорогами проселочными, где нет ни указателей, ни знакомых ориентиров, сбиться с пути можно было на раз, а звонить другу и портить сюрприз Стасу не хотелось.

Миновав Воронеж, он доехал до развилки и свернул на дорогу местного значения. Теперь до дома Ольшевского оставалось каких-то пятьдесят-шестьдесят километров, это расстояние можно было бы преодолеть за полчаса, если бы не качество дороги, а точнее, его отсутствие. До Нижней Катуховки дорожное покрытие шло сносное, чуть потряхивало на выбоинах, но и только, а вот после того как Стас свернул с трассы местного значения на проселочную дорогу, внутренности испытали все прелести сельских дорог. Но это никак не сказалось на его расположении духа. Он улыбался и напевал себе под нос незамысловатый мотивчик, предвкушая радость встречи.

Поколесить по окрестностям все же пришлось. В какой-то момент он выбрал неверный поворот и забрал километров десять в сторону. Но в итоге все же выехал к населенному пункту под названием Алое поле, от которого до Панино шла вполне сносная дорога, и через десять минут припарковался у калитки Ольшевского. Заглушив двигатель, Стас трижды громко посигналил, вызывая друга, но на крыльце так никто и не появился. Пришлось выйти из машины и нажать кнопку

звонка, прилаженного к столбу у калитки.

На звонок тоже никто не откликнулся. Стас решил, что друга нет дома, так как рабочий день набирал обороты, а с фермерским хозяйством не управиться, если разлеживаться на диване до половины девятого утра. Где именно находится подсобное хозяйство Ольшевского, он не знал и пожалел, что не поинтересовался этим до того, как отправляться в дорогу. По его расчетам выходило, что к дому друга он успеет подъехать задолго до начала рабочего дня, и тогда эта информация казалась лишней. Теперь же он об этом жалел. Кто знает, в котором часу возвращаются домой фермеры? Может, ждать придется до самой ночи. Перспектива не из приятных.

Подумав, Стас направился к дому напротив. Калитка оказалась открытой, и он ступил на соседский двор, громко выкрикивая хозяев. Хозяин появился после первого же крика. Из коровника вышел здоровенный мужик лет пятидесяти и дружелюбно спросил:

– Заплутал, приятель?

– Утро доброе, – протянул Стас ладонь для рукопожатия. – Попал-то я в цель, да вот время выбрал, похоже, неурочное. К соседу вашему приехал, Николаю Ольшевскому, а его дома нет.

– К Коляну? Хорошее дело, а то он последнее время как-то загрустил, – пожал сосед протянутую руку. – Выходит, не встретил вас друг?

– Так он не знает, что я должен приехать, сюрприз хотел

ему сделать.

– Сюрприз, значит? Тоже неплохо. Внезапный приезд на-
строение поднимает.

– Не подскажите, где его в такое время искать? Неохота до
ночи по улицам бродить.

– А хрен его знает, где он, – пожал плечами сосед. – Мо-
жет, на угодьях своих, а может, и нет.

– А угодья где?

– Километров шесть на восток от выезда из Панино.

– Телефона там нет? Позвонить бы, чтобы точно узнать, а
то прокатаюсь впустую, – поинтересовался Крячко.

– А как же сюрприз? – хитро сощурился мужик.

– Да хрен с ним, с сюрпризом! – махнул рукой Стас.

– Телефона нет, разве что самого хозяина. У меня где-
то записан, да этот номер у тебя и самого наверняка есть, –
ответил сосед. – Подсобники у него в этом году меняются,
как у моей жены настроение. Кто сегодня на дежурстве, я без
понятия.

– А что так? Дела плохо идут или работники попадаютс-
я ни о чем?

– Об этом тебе лучше у него самого спросить, – уклонился
от ответа сосед, легко переходя на «ты». – Я в его жизнь не
лезу.

– Странно, мне казалось, он с соседями дружбу водит, –
протянул Крячко. – Рассорились, что ли?

– Не то чтобы рассорились, просто у каждого свои забо-

ты, – снова ушел от прямого ответа мужик, и Крячко это не понравилось.

– Тебя как зовут, сосед? – сменил он тактику. – Меня Стас, я с Колькой лет двадцать дружбу вожу. Считай, что родственники.

– Серегой меня кличут. А насчет дружбы это ты хорошо сказал. Я вот тоже с Коляном, считай, с детства знаком.

– Слушай, Серега, чует мое сердце, что что-то ты мне недоговариваешь. Давай посидим, покурим, и ты мне все расскажешь. Ведь не секретная информация, верно?

– Некогда мне рассиживаться, – замылся Серега, но отступить Крячко не привык, и потому выбора соседу не оставил.

– Да брось, пару минут найдешь, раз уж сам сказал, что с Коляном с пеленок дружбу водишь, – невозмутимо проговорил он. – Тут разговора-то на пять затяжек.

– Ладно, черт с тобой! Пойдем на зады, – сдался Серега. – Жена не любит, когда дым в окна идет.

Вслед за хозяином Стас прошел за коровник, где у Сереги была оборудована настоящая курильня. Добротная беседка из мореного дуба в четыре столба, под черепичной крышей и с тремя скамейками. По углам расставлены металлические столбы без крышек, наполненные до верха водой, в которой плавали окурки. Задняя стенка беседки оказалась глухая, по всей видимости, для того, чтобы дым шел туда, куда нужно хозяину, а не разлетался по всему двору.

Серега устроился в углу на центральной скамейке, побли-

же к самодельной пепельнице. Достал из брючного кармана пачку дешевых сигарет, из другого кармана выудил зажигалку. Вытряхнул сигарету прямо в рот, протянул пачку Стасу. Тот принял угощение, аккуратно вытащил одну сигарету и вернул пачку обратно. Прикурили, затянулись, синхронно выпустили дым в потолок.

– Сам-то откуда? – начал издалека Серега.

– Московский я, в столице живу, – ответил Стас.

– Это понятно, – кивнул Серега. – По жизни чем занимаешься?

– В полиции служу.

– Ого, так ты из этих! – как-то туманно отреагировал Серега. – Понятно.

– Из этих, это из каких? – не удержался от вопроса Крячко.

– Из краснопогонников, – пояснил Серега. – У нас тут вашего брата не особо жалуют.

– С чего вдруг такая немилость?

– Неважно, – отмахнулся Серега. – Может, и к лучшему, что ты из ментовки. Может, и своевременно.

– Послушай, Серега, не томил бы ты уже, – попросил Крячко. – От твоих недомолвок у меня душа не на месте. Выкладывай все, как есть, и покончим с этим.

Серега дважды затянулся, выпустил густой клуб дыма куда-то в ворот спортивной куртки и только после этого начал говорить. По его словам, дружба с Ольшевским разла-

дилась месяца три назад. Как раз в канун Дня рыбака, который празднуют во второй воскресный день июля, и разругались. Этот праздник на их улице отмечают с размахом по той простой причине, что, в какой дом ни войди, хозяин его каким-никаким боком причастен к занятию рыбной ловлей. Тут и бывшие моряки с рыболовецких траулеров, и машинисты с судов рыбной промышленности, и сотрудники рыбнадзора, считающие себя причастными к празднику. А уж любителей-рыболовов не пересчитать. Так уж народ подобрался. Вроде не специально, а как на заказ вышло.

Сам Ольшевский профессионально рыбной ловлей никогда не занимался, а вот его сосед Серега, тот добрых пять лет оттрубил на автономном траулере морозильного типа при Мурманском промышленном промысле. Понятное дело, День рыбака он чтит свято, а вместе с ним и традицию, принятую соседями «на ура». В этот день на местных прудах с их улицы собирались все от мала до велика – кто поучаствовать, а кто и просто поглазеть на соревнования рыбаков. Серега и Колян из года в год выступали главными организаторами праздника. А тут вдруг Колян задний ход решил дать. Мол, в этом году без него обойдутся. «И ведь самое обидное, причину такой резкой перемены отказался объяснять, – горючился Серега. – Не смогу, мол, и все».

До причины Серега все равно докопался, так как мужиком оказался въедливым. И эта самая причина его просто в бешенство привела. Ольшевский, видите ли, не может про-

пустить воскресенье и не поехать на автомобильный рынок. Серега так напрямую ему и сказал, что думает о так называемой «уважительной причине». Ты, говорит, Колян, со своей тачкой совсем умом тронулся. С начала апреля ни одного воскресного дня не пропускаешь, чтобы в Воронеж на авторынок не сгонять. И чего ты там только отыскать пытаешься? «Хаммер» за две сотни «деревянных»? Копишь, копишь, так всю жизнь на развалюхе и прокатаешься, вместо того чтобы взять бюджетный внедорожник и не париться.

На что Колян только плечами пожал. Никого, мол, не касается, как я выходные провожу и на что собираюсь кровные гроши тратить. Ну, Серега и не выдержал. Послал Коляна куда подальше и дорогу к его дому забыл. За калиткой встретятся, так и головой друг другу не кивнут. Праздник Серега и без Ольшевского организовал, а тот и по сей день все в Воронеж катается, автомобиль мечты ловит.

О заветной мечте Ольшевского Крячко слышал. Не так давно Ольшевский в телефонном разговоре проговорился, что собирается брать авто с пробегом не позднее конца сентября. Потому еще Крячко к нему и сорвался. Надо же другу помочь, чтобы тот деньги впустую не пулянул. В машинах Ольшевский разбирался, как свинья в апельсинах, а у Крячко какой-никакой опыт в этом деле имелся. Вот он и решил совместить приятное с полезным. И друга повидает, и тачку ему подходящую подобрать поможет. Кто же знал, что у того мечта в навязчивую идею переросла?

Но самое неприятное в рассказанной Серегой истории заключалось в том, что три дня назад Ольшевский уехал в город на последнем субботнем автобусе и до сих пор не вернулся. Соседи поговаривали, что в это воскресенье Ольшевский собирался машину приобрести. И деньги с банковского счета снял все подчистую, а это без малого четыреста тысяч рублей. Крячко поинтересовался, откуда информация относительно денег, на что Серега неохотно сообщил, что жена его в банке работает, вот и информация. Про тайну банковских операций Крячко напоминать не стал, не его это забота. Но в памяти данный факт отметил.

Поблагодарив Серегу за откровенность, Стас выяснил, что из себя представляют уголья Ольшевского, попрощался и покатил на восток, разыскивать цех по переработке яблок. Весь недолгий путь до яблоневых садов Ольшевского он ломал голову над тем, куда мог запропасться человек, на котором лежит ответственность за сбор урожая? В душе его теплилась надежда, что от обиды на соседа Серега преувеличил масштаб проблемы. Стас надеялся, что приедет в цех и найдет там Ольшевского целым и невредимым. Серега сам сказал, что сейчас самое время для переработки второго потока урожая, и в такие дни Ольшевский обычно пропадает на своих плантациях с утра до ночи. Что, если сосед просто пропустил тот момент, когда Ольшевский вернулся из города? Ну, взял деньги, а машину не купил, так что, на неделю их обратно в банк тащить? Оставил дома или на работе в

сейфе. Должен же быть у фермера сейф? Вроде как должен. А дома не появлялся, чтобы время на дорогу не тратить. А может, просто машина сломалась. Тот же Серега упоминал, что ездит Ольшевский на рыдване. В город на нем и не пытается выбираться, боится серьезной поломки. На эвакуаторе домой развалюху тащить – накладное удовольствие, вот он в город на автобусе и катается.

По мнению Крячко, так это довольно практично, а в случае покупки новой машины – еще и предусмотрительно. Не сможет же он обе их домой пригнать, вот и перестраховывается. Делать поспешные выводы Крячко не стал, хоть и не отличался терпением и выдержкой. Не хотелось о плохом думать, и все. Настроение, однако, упало, после полученных от соседа новостей Стас уже жалел, что не предупредил друга о приезде. Глядишь, и не поехал бы в город один, дождался его приезда. Задним умом все крепки, да что с того толку?

И все же тревога не покидала Стаса. Виной тому была сумма наличности, озвученная Серегой. Для города сумма немалая, а уж для сельской местности – и вовсе целое состояние. Кто знает, сколько человек из поселка, так же, как и Серега, оказались в курсе финансовых операций Ольшевского? Услышал какой-нибудь алкаш или нарик о несметных богатствах в карманах фермера, подсел к нему в автобусе, «пропас» до города, а там по башке монтировкой тюкнул, денежки забрал, а самого Ольшевского в канаву сбросил. И лежит теперь Колян с пробитой головой и остывшим телом

где-то в пригороде Воронежа. Когда еще какой-то случайный прохожий на него наткнется?

Думать об этом не хотелось, потому Стас решительно отбросил тревожные мысли, дав себе установку сперва добраться до хозяйства Ольшевского, а уж потом начинать беспокоиться по-настоящему.

Глава 2

Цех по переработке плодовых культур Крячко нашел быстро, помог местный житель, парнишка лет двадцати семи, с копной рыжих волос и плутоватым взглядом. Правда, не из альтруизма, а исключительно из корыстных побуждений. Оказалось, что им по пути, а так как Крячко ехал на машине, а рыжий парень шагал пешком, потому и вопрос заезжего водителя встретил с энтузиазмом. Загрузив тяжелые сумки в багажник, парень свалился на переднее сиденье и махнул рукой, показывая направление.

– На плодовку по делам или по личному вопросу? – деловито осведомился он, как только машина тронулась.

– По личному, – пряча улыбку, ответил Стас.

– К девкам? – бесцеремонно продолжил парень и сам же на свой вопрос ответил: – Не, непохоже, что к девкам.

– Это еще почему? – искренне удивился Крячко.

– Для таких, как вы, там девок нет. Вам ведь, небось, дамочек подавай. Чтоб маникюр-педикюр там всякий, челка на косой срез и титьки силиконовые, – окинув его деловитым взглядом, заявил парень.

– А ты, видать, по этим вопросам эксперт? – иронично улыбнулся Стас.

– А то! Я ведь на психолога учиться собираюсь. Психология личности – моя специализация.

– Ну, ты загнул! – Крячко еле сдержался, чтобы не рассмеяться парню в лицо. – Как тебя звать-то, психолог?

– Иван я, но, как отучусь, буду представляться Жаном. Так солиднее. Акцент, правда, пока не очень выходит, но я старательный. Научусь.

– Значит, наших психов с французским прононсом лечить будешь? – Разговор начал забавлять Крячко.

– Ни с каким не поносом, я ж голову лечить буду. Мозги, значит, а в них поноса нет.

После такого заявления Стас уже не мог сдержаться и громко, от души рассмеялся. Парень смотрел на него удивленно и даже немного обиженно. Он не мог понять, что в его словах так рассмешило заезжего пижона, но, чтобы не попасть впросак, посчитал нужным смех поддержать. Вышло не слишком натурально, и он его быстро оборвал. Постепенно успокоился и Крячко.

– Ну, друг, удружил! Давненько я так не веселился. Да ты не дуйся, при такой профессии к людям надо терпимее относиться, – подбодрил он попутчика. – И раз уж пошел у нас откровенный разговор, позволь дать тебе дружеский совет. Если услышал слово незнакомое, либо промолчи, либо выдай что-нибудь неопределенное, чтобы люди не поняли, что ты в этом вопросе профан. Французский прононс – это вроде как акцент по-нашему, и к поносу он не имеет ровным счетом никакого отношения. А вот насчет того, что в мозгах его не бывает, я бы не был столь категоричен. У некоторых

этим самым поносом под крышку башка забита.

– Так бы сразу и сказали. – Поняв, что водитель по-доброму над ним подтрунивает, а не нагло издевается над его невежеством, Иван расслабился. – А за совет благодарствую. Я ведь всего-то пару недель назад решил, что психология – это мое, так что опыта пока маловато. Вот поеду в Воронеж, понахватаюсь там умных словечек и тоже смогу людей в лужу сажать, не хуже вашего.

– Да, брат, психолог из тебя выйдет отменный, – усмехнулся Стас. – Ты в угодыя Ольшевского тоже за умными словечками подался?

– Не, туда я с практической задачей, – довольный тем, что тема психологии осталась позади, ответил Иван. – Деньжат подзаработать хочу. На билет коплю, ну, и на проживание. В Воронеже квартиру снимать дорого, с парой тысяч и соваться нечего.

– Наемным рабочим едешь?

– Яблоки везу.

– Это что же, у Ольшевского своих яблок не хватает?

– Почему не хватает? В достатке. Это у меня на переработку техники нет, вот я и... – Иван оборвал сам себя на полуслове и бросил на Крячко настороженный взгляд.

– Чего замолчал? – подбодрил его Крячко. – Не воровать же ты туда едешь?

– А вы к самому Ольшевскому, что ли? – запоздало поинтересовался Иван.

– А если к нему, то что? – вопросом на вопрос ответил Стас.

– Да так, к слову пришлось.

– Колись, Иван, противозаконное что-то задумал? Про переработку ведь не просто так заговорил. Решил свои яблоки на хозяйском прессе отжать?

– Да в этом нет ничего такого, – тут же начал оправдываться парень. – Всех яблок у меня килограммов двадцать. На десять минут работы. А Ольшевского все равно в цеху нет, он бы и не узнал, если бы я вам не проболтался.

– Откуда знаешь, что хозяина на месте нет?

– Васек звонил.

– Васек у нас кто?

– В цеху заправляет, пока дядя Коля по делам в город мотается.

Пока шел разговор, дорога свернула к внушительных размеров ангару, выстроенному в паре десятков метров от плантации плодовых деревьев. Крячко подъехал к воротам, заглушил двигатель. Развернувшись лицом к Ивану, он похлопал его по плечу и произнес:

– Ты не кипишуй, меня ваши местные дела не касаются. Поможешь Васька найти?

– Да чего его искать? Он в цехе сейчас. Пойдемте, провожу, – предложил Иван.

– А заодно и баулы свои донести сможешь? – догадался Крячко. – Ох, и хитер ты, Иван! Для психолога даже черес-

чур.

Иван не ответил, только взгляд плутоватый ресницами прикрыл. Выбрались из машины. Крячко подхватил одну сумку, Иван – вторую. Скоренько дошли до входа в ангар. Двери оказались закрыты изнутри, хотя из цеха доносился ровный гул прессов. Иван достал мобильник, набрал нужный номер, бросил в трубку короткое «это я», и спустя пять минут оба были внутри ангара.

Васек оказался молодым парнем, немногим старше Ивана. Стаса это обстоятельство удивило. И как это Ольшевский доверил свое хозяйство молокососу? Тот рассматривал Крячко не менее подозрительным взглядом. Вопросов не задавал, ожидая, что визитер сам сообщит о цели визита.

А Стас с представлениями не спешил, ему хотелось посмотреть, каким образом Васек будет разруливать щекотливую ситуацию с Ивановыми яблоками при постороннем. Иван же предусмотрительно молчал, не решаясь даже сумку на землю опустить. Облажаться второй раз подряд он явно не хотел, но и с пустыми руками из цеха уходить ему было не резон.

Пару минут все трое стояли и молчали, будто не было у них других забот, как таращиться друг на друга. Первым не выдержал Иван. Тяжелая сумка оттягивала руку, а язык буквально зудел от желания прервать напряженное молчание.

– Привет, Вась! – запоздало поздоровался он. – А я вот гостя тебе привез. Он к дяде Коле по личному вопросу. Хо-

зьяин на месте?

– А то ты не знаешь, – не глядя на Ивана, буркнул Васек, продолжая буравить взглядом Крячко.

– Да я ему так и сказал. Нет, говорю, дяди Коли на месте. Три дня уж как нет, – зачастил Иван. – А он все равно поехал. Не знаешь, когда дядя Коля вернется?

– Без понятия, – все так же немногословно ответил Васек.

– Жаль, человек издалека ехал, – сокрушенно покачал головой Иван. – Может, звякнешь ему, скажешь, что гость приехал?

– Звякнул бы, если бы он мобилу брал. – Васек отступил на шаг назад и обратился к Крячко: – Вы – друг Ольшевского?

– Друг, – подражая манере Васька, коротко ответил Стас.

– Сказали бы своему другу, что дела так не делаются, – ворчливо заявил Васек. – Я ему в сторожа не нанимался.

– Сам цех сторожишь?

– Если бы цех, – вздохнул Васек, внезапно расслабившись. – Консерванты его караулю. Вчера еще машина должна была прийти, готовую продукцию забирать, да так и не пришла. Ольшевского нет, кому из перевозчиков звонить, я не знаю, а хозяин как сквозь землю провалился. Нормально? Я тут три дня как на привязи сижу. Люди-то посменно отработали и ушли, а мне смены нет. Склад под завязку забит, продукция увеличивается, а подвижек не видать.

– Так останови производство, – предложил Крячко. – До-

ждешься возвращения Ольшевского, тогда и продолжишь.

— Нельзя его останавливать, потом на запуск хренова туча времени уйдет, и сырье в негодность придет. — Васек снова тяжело вздохнул и в сердцах выдал: — Дернул же меня черт подвязаться на эту работу! Сейчас бы лежал на диване, пиво-ко холодное попивал.

— погоди панику разводить, давай разберемся, куда мог Ольшевский исчезнуть. — Стас решил, что пора брать инициативу в свои руки. — Раньше такое случалось, чтобы он в цех во время переработки сырья так долго не приезжал?

— Не припомню. — Васек наморщил лоб, пытаясь восстановить события последнего месяца. — Я у него не так давно работаю, только с этого сезона. Как раньше было, не знаю, а за этот сезон еще не случалось, чтобы он хоть день пропустил. Воскресенье только, но это вроде как его законный выходной. Мой — понедельник, а его — воскресенье.

— И этот понедельник он пропустил, так? Хотя и знал, что у тебя выходной.

— И понедельник, и вторник, и среду, как видите.

Дальше Крячко начал выстреливать вопросами, как на настоящем перекрестном допросе. Васек только отвечать успевал. По его словам выходило, что случай этот из ряда вон выходящий. В цех Ольшевский являлся ежедневно ровно в девять, хоть часы по нему сверяй. В субботу, накануне его выходного дня, был в цехе как обычно. Проторчал до трех, гонял работников почем зря и, как показалось Ваську, нерв-

ничал сильно. Все время на часы поглядывал, точно опоздать куда-то боялся. Васек даже раз спросить решился, не спешит ли босс, но тот от него как от мухи назойливой отмахнулся. Больше в этот день Васек к Ольшевскому с вопросами не лез.

О том, что может понедельник пропустить, Ольшевский не предупреждал, даже намек не делал. Распоряжений относительно воскресенья, против обыкновения, тоже не раздавал. И все переносицу потирал, точно она зудела. Васек решил, что у Ольшевского давление подскочило, его тетка так переносицу трет, когда приступ захватит. Давлением она лет с тридцати страдает, и всегда с мигренями, так что Васек на это насмотрелся.

В цех Ольшевский приезжал всегда на машине, последняя суббота не была исключением. Когда он уезжал, двигатель дважды глох, и Ольшевского это бесило, Васек слышал, как он в салоне ругался. Громко и грубо. Слышал ли он раньше, чтобы его босс так матерился? Ни разу. Он и на рабочих никогда не кричал, только давил своим авторитетом так, что после его разносов жить не хотелось. Но чтобы материться? Нет, не слышал.

Случалось ли раньше, чтобы Ольшевский в таком мерзком расположении духа находился? Тоже нет. Всегда ровный. Язвительный, но ровный. А когда «осенник» собрали и в хранилище на неделю раньше планируемого срока загрузили, так даже веселым был. Радовался сильно. Дал рабочим

неделю на отдых. Рабочие все наемные, по домам разъехались. Все, кроме тех, кто в цеху занят. Вернуться должны к началу следующей недели, там сбор «зимника» пойдет.

Крячко поинтересовался, что означает «осенник» и «зимник», и Васек пояснил, что на плантациях Ольшевского растут три группы яблок. Различаются они по сроку созревания. Летние сорта собирают со второй половины августа, их уже переработали. Осенние сорта начинают собирать почти сразу после летних, можно сказать, без перерыва. Обычно сбор идет до конца сентября, соответственно, и переработка тоже. А затем переходят к зимним, на профессиональном сленге «зимник», и их добирают уже по холодку, аж до середины октября. Перерыва практически никакого нет, но только не в этом году. В этом как раз приличные каникулы для сборщиков выпали.

– Значит, до конца этой недели сборщики работать не будут? – уточнил Крячко.

– Все верно, не будут. Только здесь, в цеху, – ответил Васек.

– Может, Ольшевский потому и не приехал? Может, и себе недельку выходных взял? – задумчиво проговорил Стас.

– А предупредить не судьба? – тут же взъярился Васек, будто Крячко не предположение выдвинул, а перед фактом его поставил.

– Может, он предупредил, да ты не запомнил? Отвлекся на что-нибудь и мимо ушей пропустил, – принохиваясь к

запаху, идущему от Васька, предположил Стас.

– Вы меня не обнюхивайте, – ощетинился Васек, – и намеки свои оставьте. Я вообще не пью. Принципиально. А запах здесь всегда такой стоит. Яблоки перерабатываем, а они чуть кислородом тронутся, как брага пахнут. Побыли бы здесь трое суток безвылазно, так не хуже моего пропахли бы.

– Это правда, Васек совсем не пьет, – вступился за приятеля Иван. – Ни с девками, ни с мужиками.

– Ну, если с девками не пьет, тогда – конечно, – не удержался, чтобы не поддеть Ивана, Стас, а перед Васьком извинился: – Да ты не обижайся, бдительность мне терять не положено, вот и проверяю все версии.

– Какие еще версии? – подозрительно сощурился Васек. – Вы, вообще-то, кто будете, и откуда вас в наши края занесло?

– И правда, кем вы дяде Коле приходитесь? – спохватился и Иван.

– С этого, ребятки, надо было начинать, – назидательно произнес Крячко. – А вы сперва всю информацию человеку выдали и только после этого главным интересоваться начали. Я, ребятки, друг Ольшевского, Стас Крячко. Друг давний и закадычный. А по совместительству еще и полковник полиции. Про Петровку слышали?

– Ого, так вы из МУРа! – восхищенно охнул Иван, а Васек даже рот от удивления открыл.

– Из него самого, дружок, – кивнул Стас, довольный произведенным эффектом.

– Выходит, с дядей Колей беда случилась? – дошло, наконец, до Ивана, и он тут же набросился на Васька: – А ты на него бочку катишь, придурок! Человека, может, уже в живых нет, а тебе лишний день поработать в лом. Ну, и кто ты после этого?

– погоди, Иван, остынь маленько! – притормозил Ивана Крячко. – Никто пока про неприятности не говорит, и уж тем более про смерть. Сначала информацию соберем, потом уж выводы делать будем.

– Так в МУРе работают, да, товарищ полковник? – Слова Крячко Ивана воодушевили. – Выходит, еще есть надежда? А я подумал, что к вам сигнал поступил насчет дяди Коли, вот вы и приехали. Дядя Коля, он мужик хороший. Никогда не откажет, если человека припрет. Придешь к нему, скажешь, что деньги позарез нужны, так он тебе непременно работенку какую-никакую подкинет, чтобы ноги с голодухи не протянул. Хоть зимой, хоть летом.

– Можно подумать, ты хоть день у него работал, – фыркнул Васек. – Ты, Ваню, вообще в своей жизни часа на благо общественности не потрудились, так что нечего товарищу полковнику пыль в глаза пускать.

Некоторое время Иван и Васек пререкались друг с другом на предмет склонности Ивана к тунеядству, а Васька к преувеличению. Крячко слушал, пока не надоело, потом цыкнул раз, и в цехе воцарилась относительная тишина. Перепалка стихла, и теперь тишину нарушал лишь ровный гул работа-

ющего пресса, да поскрипывание транспортировочной ленты, по которой шли ровные ряды консервных банок.

– Вот как мы поступим, ребятки, – объявил Крячко. – Оба вы останетесь здесь до окончательного выяснения обстоятельств исчезновения гражданина Ольшевского. Ты, Васек, продолжишь следить за работой цеха, а Иван будет тебя подменять по мере необходимости. Поспать там, перекусить, душ принять. Но из цеха ни шагу, вам ясно?

Васек и Иван послушно кивнули. Крячко перевел взгляд на сумки Ивана и решил подсластить пилюлю.

– Пока суть да дело, успеете яблоки переработать. Возражать я не стану, – заявил он. – Считайте, что официальное «добро» у вас в кармане, только впредь чтобы не нагнали.

– Да как можно, товарищ полковник, – начал было Иван. – Мы бы потом все равно дяде Коле сказали, когда он вернется.

Васек бросил раздраженный взгляд на Ивана, постоянное вранье которого его явно не воодушевляло, но вслух ничего не сказал. Не стал комментировать реплику Ивана и Стас. Минут сорок он потратил на то, чтобы обойти цех и побеседовать с оставшимися рабочими. Ничего нового эти беседы к уже сказанному Васьком не прибавили. Он еще потоптался в цехе, после чего попрощался с Васьком и Иваном и поехал обратно в поселок.

По дороге ему пришла в голову мысль, что было бы неплохо посоветоваться с Гуровым. Все же ситуация складывалась

неординарная, а если брать в расчет опыт многолетней работы в органах, так и вовсе пессимистичная. Съехав на обочину, Стас набрал номер друга. Ответил Гуров не сразу, пришлось трижды набирать номер, прежде чем из трубки донесся голос полковника. По бодрому «ну, наконец-то», Крячко понял, что звонка его друг ждал с нетерпением. Коротко отчитавшись о состоянии здоровья, Стас перешел к делу.

Известие о пропаже Ольшевского напарника озадачило даже больше, чем самого Крячко. Он принялся выпытывать подробности, вставляя свои комментарии, после чего решительно заявил, что Стас должен идти в полицию. Три дня отсутствия – это серьезный повод для беспокойства, заявил он, и откладывать визит в органы попросту глупо.

– Ты пойми, Стас, если для твоего друга такое поведение нетипично, то ничего хорошего ждать не приходится, – настаивал Лев. – Не мне тебя учить, как важен временной фактор в подобных ситуациях.

– Да понимаю я, Лева, все понимаю, но думать о плохом не хочется, – мялся Крячко. – Я ведь его о приезде не предупреждал, а работников он на целую неделю по домам выпустил. Почему бы не предположить, что он и сам решил воспользоваться передышкой и оттянуться в городе по полной программе. Представь, как я буду выглядеть, когда группа ОМОНа ввалится в любовное гнездышко Ольшевского и примет его тепленьким прямо из объятий какой-нибудь грудастой красотки? Нет, Лева, это не вариант.

– Лучше подумай о том, что ты будешь чувствовать, если найдешь его труп в канаве, и окажется, что помощь опоздала на каких-то несколько часов?

Слова прозвучали жестко, даже несколько жестоко, но Гуров сделал это намеренно. Ему надо было расшевелить Крячко, заставить мыслить, как мыслит опер, а не как приятель исчезнувшего повесы. Стас с минуту молчал, перебарывая фразу, затем вздохнул и нехотя произнес:

– Ладно, я подумаю. Сгоняю к нему на хату, осмотрюсь, тогда и решение принимать буду.

– Здесь не о чем думать, Стас, – предпринял Лев последнюю попытку вразумить друга, понимая, что толку от этого будет ноль. Он слишком хорошо знал напарника, чтобы понять – в данный момент никакие вразумления до него не дойдут. Раз уж он вбил себе в голову, что действовать своими силами будет разумнее, то уже не откажется от этой мысли, пока не найдет неопровержимые доказательства того, что друг попал в настоящую беду. – Местность для тебя незнакомая. На частное расследование у тебя нет ни времени, ни ресурсов. Человеческих ресурсов, Стас. Ты не знаешь ни одного человека в этом поселке, а ведь речь идет даже не о нем, а о городе-миллионнике.

– Я тебе перезвоню, – свернул разговор Крячко. – Пожелай мне удачи, напарник!

Он убрал телефон в нагрудный карман, но двигатель не завел. Обхватив руль руками, опустил на них голову и несколь-

ко минут просто сидел, не думая ни о чем. Нет, мысли-то в голове проносились с невероятной скоростью, но сам Стас их не фиксировал, пытаясь понять свои ощущения. Какие чувства владеют им в данный момент? Тревога? Раздражение? Ощущение приближения неминуемой трагедии? Непонятно.

Впрочем, удивлен он не был. Интуиция, или оперская «чуйка», у него отсутствовала напрочь. Просто абсолютно. Вот у Гурова – да, у того «чуйка» работала за них двоих. И то, что Гуров выдал однозначный вердикт, мол, нужно идти к коллегам, не вселяло оптимизма. Если бы он хоть на мгновение задумался, стоит ли огород городить раньше времени, тогда и разговор был бы другой. Но он не задумался, хотя и находился сейчас за полтысячи километров от дома Ольшевского, и не вел бесед ни с соседом, ни с помощником Николая.

И все же Крячко остался при своем мнении. Сначала в дом к Ольшевскому попасть, посмотреть, что там да как, а уж потом правоохранительные органы беспокоить. Поняв, что все равно не сможет заявиться в полицейский отдел, вооруженный лишь своими подозрениями, Стас завел двигатель и поехал к дому Ольшевского. Каким образом проникнет в дом друга, об этом он беспокоился меньше всего. Как-нибудь справится. Вряд ли у того на двери сложные замки, но если и так, снесет дверь начисто, и дело с концом. А дверь не поддастся, так окно вышибет и все равно в дом попадет. В

том и состоит прелесть частного жилья, что на земле стоит, и лазить по этажам не придется.

Стас подъехал к дому Ольшевского, припарковался у ворот. Постоял возле закрытой калитки и решил обойти дом вокруг, благо, что стоял он особняком, ни к кому из соседей забором не примыкая. Как и предполагал Крячко, основным забор был лишь с фасада, на задах укреплением территории Ольшевский не заморачивался, оставив там прочный, но невысокий штакетник. А шагов через тридцать обнаружилась и калитка, тоже на замке, но на навесном, который и подростку вскрыть пара пустяков. Пошарив по карманам, Стас выудил перочинный нож. Этот нож ему подарили коллеги на один из профессиональных юбилеев в знак особого расположения, и подарком этим он очень гордился, потому и таскал везде с собой.

В наборе перочинного ножа была масса примочек, но сейчас Крячко интересовала лишь одна из них. В штопоре была спрятана миниатюрная отвертка. Плоская, тонкая, но прочная, как шило. Ее-то он и достал. Приладив наконечник на специальный паз, Стас поднял замок, пошерудил отверткой личинку, нащупал нужное положение и быстро отщелкнул ушко. Снял замок с калитки, убрал в карман. Пройдя по двору оказался перед входной дверью. Здесь замок оказался ненамного сложнее, что его даже порадовало, портить имущество друга все-таки не хотелось. Не прошло и пяти минут, а он уже расхаживал по комнатам в доме Ольшевского.

Жилье Николая отличалось простотой и назамысловатостью. Две комнаты и кухня, удобства во дворе. Правда, банька, как помнил Крячко, отменная, куда круче дома. Мебель почти спартанская. В кухне обеденный стол на две персоны, пара табуретов, навесной шкаф с двумя створками и такой же шкаф-тумба под ним. В углу раковина со сливом, рядом газовый котел. На ощупь совсем ледяной, то ли Ольшевский еще не открыл отопительный сезон, то ли специально отключил, планируя долгое отсутствие.

Широкий проем без двери вел из кухни в большую комнату. Там с мебелью дела обстояли лучше. Массивный кожаный диван занимал чуть ли не треть комнаты. Возле него примостился микроскопических размеров журнальный столик. Он был завален журналами для автолюбителей. Это Стаса не удивило, так как Ольшевский был буквально помешан на машинах. В хорошем смысле помешан. Он не тратил весь доход на приобретение крутых тачек, довольствовался тем, что может любоваться на любые модели, представленные в журналах, а заодно и сравнить их технические характеристики. Вроде как хобби.

И все же специалистом в автомобильной области это его не сделало. Крячко считал, что у Ольшевского просто-напросто практики не хватало. Можно до одурения читать статьи о принципе работы двигателей внутреннего сгорания, о том, от чего зависит их мощность, износостойчивость, хвататься верхушек о разнице между карбюраторными и ин-

жекторными моделями, но пока ты сам сотню раз не разберешь движок, и главное, не соберешь его до первоначального вида, да так, чтобы он работал, как часы, — ни хрена ты в автомобилях смыслить не будешь. А Ольшевский за свою довольно долгую жизнь под капот-то и то пару раз всего заглядывал, предпочитая оставлять эту работу специалистам.

Сам-то Николай по части автомобилей считал себя чуть ли не асом, и порой они с Крячко сцеплялись на этой почве, и сцеплялись неслабо. В какой-то момент Стас решил, что будет проще оставить друга в покое. Пусть себе тешится уверенностью в своих несуществующих знаниях, пока это увлечение остается на уровне хобби. Желание приобрести себе «крутую тачку» послужило для Крячко лишним поводом, подстегнувшим к поездке. Стас был уверен, что если не вмешается, продавцы-автомобилисты втюхают Ольшевскому такое дерьмо и за такие бабки, что мама не горюй. А уж он, Стас Крячко, сумеет этому помешать и помочь другу получить приличный автомобиль за приемлемую цену.

Помимо дивана в большой комнате находился старый секретер, оставшийся еще со времен, когда в доме проживала вся семья Ольшевских: мать с отцом, младший брат и двоюродный племянник, осиротевший в пять лет и с тех пор на постоянной основе проживающий в их доме. Сейчас дом опустел. Родители умерли, брат женился и укатил в далекий Мурманск, искать счастья на рыболовецких судах. Племянник тоже выпорхнул из гнезда, едва ему исполнилось восем-

надцать, и, по словам Ольшевского, неблагоприятное создание раз и навсегда забыло дорогу в дом, где его вырастили. Он не писал, не звонил и, соответственно, погостить не приезжал. Дальнейшая его судьба Ольшевскому была неизвестна.

Секретер упирался в стену, а сбоку к нему пристроилась этажерка тех же незапамятных времен. На этажерке в хаотичном беспорядке валялись разнообразные предметы, необходимые для жизни холостяка-одиночки. Электрический триммер для стрижки волос, коробка с влажными салфетками для протирания компьютерной техники, отвертки и плоскогубцы, чтобы были под рукой. Разного размера коробочки, ящички и баночки с силовыми кнопками, пуговицами и иглами, а рядом строительный степлер с изрядным запасом скоб. Одним словом, чего тут только не было, и все вроде нужное, без чего в хозяйстве не обойтись.

Левее этажерки на настенном кронштейне висел скромных размеров телевизор. К нему из окна тянулся кабель от уличной антенны. На расстоянии в полметра от него в левом углу комнаты находилась дверь в спальню. Начать осмотр Стас решил именно с нее, по той простой причине, что осматривать там было особо нечего. Двухспальная кровать с продавленным матрасом, прикроватная тумбочка да комод, вот и вся меблировка.

Визуально комната выглядела так, будто хозяин только что вышел, причем собирался он точно не в спешке. Кровать аккуратно застелена покрывалом, на прикроватной тумбоч-

ке порядок. Даже чашки с остатками утреннего кофе нет, то есть у хозяина комнаты было время, чтобы привести все в порядок. Ящики комода задвинуты, на полу никакой одежды, даже носков ношенных не видно.

Крячко еще с минуту постоял у окна, а затем решительно направился к комоду и один за другим начал выдвигать ящики: сгребал в сторону одежду и белье, шарил руками по дну, прощупывал карманы. В комодe ничего обнаружить не удалось. Он перешел к тумбочке, но та оказалась практически пуста. Пара все тех же журналов для автомобилистов, упаковка таблеток от головной боли, электронный термометр, да блок дешевых сигарет.

В спальне больше осматривать было нечего, и он перешел в зал. Там провозился больше часа, скрупулезно открывая и обследуя каждую коробочку с этажерки, каждое отделение в секретере, каждую вазочку, любовно выставленную напоказ. Даже журналы перетряхнул все до одного. Прощупал все складки на диване, разве что под обивку не заглянул. И ничего. Записей личных Ольшевский не вел, от чеков и рекламных проспектов избавлялся своевременно, а компьютера в комнате не оказалось.

Не обследованной осталась только кухня, но и там Крячко не надеялся обнаружить что-то, что помогло бы ему понять, намеренно ли Ольшевский уехал из дома, или его отсутствие является незапланированным. Запас продуктов в холодильнике в разрешении этого вопроса не помог. Такой

набор мог быть куплен и про запас, и на ближайшее время. Колбаса в вакуумной упаковке, молоко в термопакете, овощи, причем те, что могут храниться долго, морковь да лук. Пара банок консервированной рыбы и пара банок тушенки. Яйца в скромном количестве. Ни скоропортящейся сметаны, ни фруктов, ни готовой пищи.

– Да, задал ты мне задачку, Коля-Николай, – вслух произнес Стас. Он присел на табурет и задумался. Что-то в обстановке его все же настораживало, но что, он понять не мог. Пока не уперся взглядом в раковину. Солнечные лучи, падающие из окна, яркими бликами отражались от глянцевой поверхности мойки. «Вот оно, – осенило Крячко. – Порядок! Идеальный порядок у одинокого мужика. Это практически противоестественно».

В тот единственный раз, когда он гостил у Ольшевского, в доме тоже был порядок. Но тогда Николай ждал гостей, и в этом не было ничего удивительного. Кто же не постарается отдраить квартиру перед приходом гостей. Сейчас же Ольшевский никого не ждал, по крайней мере, не его, не Крячко.

– Кого же ты собирался привечать, друг ты мой сердечный? – принялся размышлять вслух Стас. – Ведь мог же ты кого-то ждать? Мог. Но есть и другой вариант, он нравился бы мне куда сильнее, если бы не твое исчезновение.

Мысли Крячко закружились вокруг новой версии. Что, если у Николая появилась женщина? Почему бы и нет? Мужик он свободный, да и годами не стар. Сколько можно в холо-

стях ходить? Появлением в жизни Ольшевского женщины можно было бы объяснить многое. Чистота в доме? Чтобы в любой момент быть готовым к ее приходу. Систематические отлучки в город по воскресным дням? День, когда дама сердца может его принять. Отказ от участия в организации Дня рыбака? Ну, тут вообще все просто. Какой же дурак променяет интим с дамой, которых и так в жизни осталось немного, на ежегодное мероприятие, наверняка приевшееся и однообразное. Подумаешь, не попадет на праздник разок, следующим летом будет все то же самое. А вот дамы может уже и не оказаться.

– Итак, остановимся на даме, – сам себе приказал Крячко. – Версия стабильная и подтверждаемая. Надо только знать, что и где искать.

В этом Стас был прав. Если в доме холостяка побывала женщина, то, так или иначе, она должна была себя «засветить». Лишняя зубная щетка, шампунь с запахом лаванды, помада, забытая на зеркале, и еще куча подобных примет. Принадлежности для утреннего туалета Ольшевский держал в кухне, на той же раковине, которая предназначалась для мытья посуды. Там осмотр уже прошел, так что не заметить щетку, будь таковая в стакане с пастой, Стас не мог. То же самое он мог сказать относительно содержимого этажерки. Он не просто провел визуальный осмотр всех предметов на каждой полочке, но даже пощупал и приподнял все до единого предмета. Будь там принадлежащая женщине расческа

или помада, он бы не пропустил.

Оставался лишь один предмет мебелировки, до которого Стас еще не добрался, — хозяйская кровать в спальне. «Осмотреть ее все равно придется, — уговаривал сам себя Крячко. — Да, ощущение не из приятных. Теперь выражение «рыться в грязном белье» для тебя станет не просто употребительным оборотом речи, а печальной реальностью, но без этого никак».

Вздохнув, Стас вошел в спальню и направился к кровати. Длинные волосы на подушках он обнаружить не надеялся, а вот интимные части женского гардероба вполне могли и залежаться в спальне Ольшевского. Уж ему ли, Стасу, не знать? Сколько раз он по прошествии времени, когда о посетительнице оставались одни воспоминания, находил в проемах между спинкой и подлокотником крохотный, но милый кусочек дамского кружева? Да что там подлокотник! Иной раз и просто под кровать заглянешь, а там забытый подарок. Лежит, скучает.

Стас сдернул покрывало, простыню, перетряхнул наволочки, затем перешел к матрасу. Переходя к боковинам, обитым цветной плотной материей, он не особо надеялся, что найдет что-то там, просто не хотел оставлять работу незаконченной. И тут, когда надежда окончательно покинула его, пальцы Стаса наткнулись на инородный предмет. По боли под ногтем, куда вошел предмет, он понял, что сейчас увидит.

Подцепив пальцами, Стас выудил на свет небольшой плоский прямоугольник, представляющий из себя элегантный кусок пластика. Вернее, даже не пластика, а ламинированного картона. Он поднес картонку к свету. На лицевой стороне белой краской по бронзовому фону была выгравирована то ли пума, то ли пантера, то ли кто-то еще из представителей кошачьих. Кошка грациозно летела из угла в угол. При этом она пересекала четыре четкие буквы, собрать из которых слово Крячко не удалось. А вот на тыльной стороне Стас прочел фразу, которая одновременно и порадовала, и опечалила. Четкими, ровными буквами там было выведено: «Отдых для настоящих мужчин».

– Выходит, я все же не ошибся, – прокомментировал находку Стас. – Шерше ля фам, как говорится. Все время дело в этой ля фам. Да, задачка.

Он опустился прямо на пол и задумался. На этот раз надолго.

Глава 3

Над визиткой Крячко просидел минут пять, пытаясь понять, какие ощущения она у него вызывает. Сидел, пока желудок не заурчал, напоминая, что время приближается к полудню, а во рту у него маковой росинки со вчерашнего обеда не было. Рассудив, что небольшой перекус времени много не займет, Стас принялся хозяйничать во владениях Ольшевского. Согрел чайник, отыскал в навесном шкафу пачку чая и кусковой сахар, распечатал колбасу, выудил из упаковки гречневые хлебцы и, соорудив незамысловатый бутерброд, принялся жевать. Хлебцы оказались сухими и прогорклыми, но выбирать не приходилось. Затеваться с той же самой яичницей Стас поленился.

Пока жевал, подбивал результаты полученной информации. Из общей картины выделялись три пункта: воскресные поездки на авторынок, снятие наличных в банке и визитка. Авторынок и финансы можно было связать в одну линию, а вот с «отдыхом для настоящих мужчин» нужно было еще разобраться. Имеет ли смысл тратить на это время? Стал бы Ольшевский планировать развлечения в день, когда собирался покупать машину? Стас решил, что его друг не из тех, кто смешивает дело с удовольствием. Вот после сделки расслабиться в компании женщины, не обремененной моральными устоями, — желание вполне объяснимое.

И потом, кто знает, сколько прошло времени после того, как эта визитка оказалась в спальне Ольшевского? Быть может, он систематически пользуется услугами фирмы, и тогда находка не имеет никакой ценности? Поразмыслив, Стас составил план действий. Сперва он поедет на авторынок, благо в городе он один, все остальное – это салоны, а, насколько помнил Стас, к автосалонам Ольшевский относился скептически. Да и сосед говорил про авторынок, а не про салон. На рынке он попытается найти продавца, к машине которого приценялся Николай. Выяснит, видел ли кто-нибудь его на рынке в прошедшее воскресенье. Успел ли он совершить сделку купли-продажи или отложил покупку на следующее воскресенье.

Узнав это, будет от чего плясать дальше. Но перед этим можно попытаться выяснить, кому соседская жена растрепала про то, что у Ольшевского на руках оказалась крупная сумма денег. В районных поселках, как и в любой сельской местности, лучшим местом для сбора сплетен и слухов во все времена служили небольшие магазинчики. За день через них проходит чуть не все дееспособное население, включая стариков и детей. И каждому охота поделиться новостями, пока стоишь в очереди или выбираешь продукты. Продавцам в таких магазинчиках просто положено уметь слушать и проявлять живой интерес к новостям покупателей, иначе торговля не пойдет, и останешься без плана.

Прибрав за собой на кухне, Стас сунул в карман визитку и

вышел из дома. Машину заводить не стал, решив прогуляться пешком. Подходящий магазинчик он присмотрел еще тогда, когда возвращался из цеха Ольшевского. Отдельно стоящее одноэтажное строение времен застоя, сохранившееся в первозданном виде, сменило лишь вывеску на фасаде. Вместо прежнего стандартного синего прямоугольника с надписью «Продукты», выписанной крупными белыми буквами, здесь теперь красовался яркий баннер, растянутый на тросах. Гордое название «Супермаркет у Афони» алело на фоне красочно выписанных фруктов и овощей.

На пяточке у магазинчика стояла пара легковушек, один велосипед и пошарпанная тележка. Людей видно не было. Крячко поднялся на крыльцо, дернул дверь за ручку и вошел внутрь. В отличие от самого здания, обстановка внутри оказалась вполне современная. Витрины-холодильники в три ряда, по боковым стенам аппараты фирмы «Кока-кола» и «Пепси», и даже один кофейный агрегат, предлагающий всем желающим широкий ассортимент напитка с добавками и без таковых.

У прилавка нестройной змейкой стояло человек пять покупателей. Продащица, довольно миловидная особа с пышной грудью, крутыми кудрями и излишком косметики на лице, деловито вешала колбасу подвыпившему дядьке с усами. Тот следил за ней зорким взглядом, лишая возможности намухлевать с весом.

За усаатым дядькой стояла бабуся такой древности, что

становилось любопытно, успеет ли она получить товар до того, как Господь приберет ее на небеса. Сама бабуся об этом, похоже, не задумывалась. Она с живым интересом изучала цены на сыры, разложенные у самой кассы, вслух обсуждая достоинства и недостатки отдельных сортов. Женщина средних лет в строгом костюме и башмаках на плоской подошве скупающе кивала в такт бабусиной болтовне, но в активный диалог не вступала.

Позади женщины пристроились два парнишки-подростка. Они пересчитывали скромные сбережения, решая сложный вопрос: на чем остановить выбор. Купить пару банок колы и одну пачку дешевых московских чипсов, или же разориться на два хот-дога в фабричной упаковке, а на запивку обойтись минералкой? Вопрос этот поглотил все их внимание, так что появление Стаса они оставили без внимания. Зато все остальные проявили к новому покупателю живейший интерес.

Как только дверь скрипнула, все головы повернулись на вошедшего. Продавщица бросила быстрый взгляд и вернулась к весам. Усатый дядька успел развернуться всем корпусом, но, сообразив, что предоставил продавщице слишком много свободы для манипуляций с весами, поспешил исправить оплошность. Вид его при этом был настолько расстроенный, что на долю секунды Крячко стало его жаль. Вот ведь незадача. Любопытство требует удовлетворения, а вместо этого приходится следить за вороватой бабешкой.

Зато древней бабуся и скупающей женщине с кудрями ничто не мешало как следует разглядеть незнакомца, чем они и занялись с видимым удовольствием. Женщина поглядывала исподтишка, делая вид, что незнакомец как таковой ее не интересует и оказался в поле зрения совершенно случайно, а на самом деле ее интересует реклама табачной продукции с угольным фильтром, расположенная как раз возле входной двери.

Бабуся разглядывала Крячко открыто. Повернулась к двери всем корпусом, приложила руку к правому глазу, растягивая веко так, как делают это люди, страдающие близорукостью, но упорно отказывающиеся от очков. При этом она еще и комментировала то, что видела:

– Ой, глядись-ко, Степанида, какого красавчика в наши края занесло. Росточку-то можно было и прибавить, а вот с хозяйством у него, видать, богато. Вишь, как штаны на ширинке топорщатся, того и гляди, все добро через молнию по-вылазит. Городской, а, смотри-ка, богатство мужское в дорогих автомашинах не растряс. Слышь, Степанида, ты колбасу-то свою бросай, упустишь городского франта через забулдыгу Шивайку, локти потом кусать будешь. Бросай, говорю, колбасу! Успеешь свой калым заработать, сегодня Рульчиха отовариваться придет, на ней калым и сделаешь.

От бабусиных комментариев Крячко бросило в краску, но от намеченной цели отступить не заставило. Степанида, сельская продавщица, болтовню бабуся выслушала равно-

душно. Глаза ее на секунду оторвались от весов, скользнули по нижней части туловища Крячко, после чего она посчитала нужным выдать свой собственный комментарий, отразившийся на самообладании Крячко гораздо сильнее, чем бабусины рассуждения.

– Ты бы, баба Клава, очки, что ли, себе купила, – вяло проговорила Степанида, – или мужика бы завела. Хозяйство как хозяйство, не жирнее, чем у других. Ткань на брюках толстая, вот и топорщится. Там всего размеру-то на мизинец, а тебе уж метровый примерещился.

– Не скажи, Степанида, не скажи. И без очков видно, что богато в штанах, – поцокала языком бабка. – Вот, помню, был у меня году в сорок восьмом конюх один, из Поворино, так у него аккурат штаны, как у энтото топорщились. А был в них далеко не мизинец. Цельная кистя.

– Ну, ты скажешь, баб Клав, – хохотнула Степанида. – Кистя у ней. Смех, да и только!

– Вы бы языки придержали, срамota слушать, – внезапно вступился за Крячко усатый дядька. – Человек, может, за хлебом пришел, а вы тут со своими скабрeзностями. И пацанов бы постыдились. Стоят, вон, уши поразвесили, рты пораскрывали.

К удивлению Крячко, женщины подвыпившего дядьку послушались беспрекословно. Как по команде закрыли рты, отворотили взгляды от причинного места незнакомца и как ни в чем не бывало вернулись к обсуждению выставленных в

витрине сортов сыра.

Какое-то время Стас, ошарашенный неожиданным приемом, стоял у порога, не решаясь ни уйти, ни продвинуться ближе к витринам. Потом вспомнил, ради чего вообще сюда явился, тряхнул головой, отгоняя посторонние мысли, и присоединился к очереди. Степанида обслужила-таки усатого дядьку, тот покидал покупки в пластиковый пакет, уступил место бабусе, но уходить не спешил. Перешел к витрине с конфетами и принялся разглядывать ценники с таким видом, будто важнее этого занятия в жизни не найти.

Бабуся расположилась у кассы, точно в кинотеатре. Выставила на полочку для сумок старенький рюкзачок, облокотилась на прилавок сморщенными рукавами древней кофты и начала гонять продавщицу от одной витрины к другой.

– Значит, так, Степанида, пенсия моя, сама знаешь, какая, «слава КПСС» постарались обезопасить древность от голодной старости. Вчера почтальонша грошики принесла, так что баба Клава сегодня шикаует, – издалека зашла бабуся.

– Говори уже, что берешь, нечего тут спектакль разыгрывать, – нахмурилась Степанида, у которой повадки бабуси в печенках сидели.

– Ты меня не поторапливай, народу у тебя немного, потерпят, – намеренно коверкая слова, продолжала баба Клава. – Мне ведь по древности почет и уважения положены. Я, можно сказать, с Михал Ларионычем Кутузовым в один детсад ходила.

– Ну, завела шарманку, – издала тяжелый вздох Степанида.

– И завела, так что? Ты у нас энта самая, сфера обслуживания, так обслуживай с улыбочкой, а не крысься, точно бо-былка перезрелая.

– Баба Клава, мне на работу через час, – взмолилась женщина, стоящая за бабусей. – Пропусти меня, я быстренько заберу то, что нужно, и уйду. А вы тут со Стешей развлекайтесь сколько душе угодно. У нее-то рабочий день идет, ей торопиться некуда.

– Не встречай, Анна, без тебя знаю, что и как мне делать, – отбрила женщину бабуся. – Твоя библиотека никуда от тебя не денется. И не делай вид, что туда толпами ходят, что и часок лишний задержаться не можешь. Когда к тебе последний раз читатель заходил? В позапрошлом году? Так и есть, память у меня отменная. Василь Степаныч подсобника своего присылал, чтоб книжку по какой-то там динамике в запасниках отыскал. Тогда, кстати, ты им не помогла. Только время на твою библиотеку зря потратили.

– Ладно, баба Клава, выбирайте уже товар, – махнула рукой Анна и обреченно уставилась на витрину.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно кивнула бабуся. – Итак, Степанида, подай-ка мне вон тех сосисок, что в упаковке желтенькой. Да срок годности проверить не забудь. Я хоть и слепая, да не безмозглая. Если что, верну все подчистую.

– Знаю я, знаю, – проговорила Степанида. – Ученая уж.

– Вот и ладненько. Потом мне сметанки, той, что с котиком, подай. Одну баночку, но большую, – продолжала баба Клава. – И рыбки в баночке. На кило триста. Внучата обещали пожаловать со дня на день. Пивка им прихвачу с селодочкой. Порадую малышей.

– Твоим малышам уж шестой десяток пошел. Могли бы и сами себе пиво купить, – подал реплику усатый дядька. – Балуеть ты их, баба Клава, почем зря, балуеть.

– Это мое дело, кого баловать, а кого хлыстом гонять, – отбрила дядьку баба Клава. – Пиво дай мне самое дорогое. На семье не экономят.

– Самое дорогое – «Бавария» в жести, – пробежав глазами по полкам с алкоголем, сообщила Степанида. – Сто десять рублей за банку.

– Жесть! – Слово баба Клава произнесла, точно выплюнула. – Это та, что бомжи на помойках собирают и в утиль сдают? Не нужна мне твоя «баварья». Давай в стекле.

– В стекле из дорогого только «Козел», – ехидно хихикнула Степанида.

– Намекаешь, что внучок мой в полицаи подался? – сощурилась баба Клава. – Не трудись, Степанида, меня это не заботит. «Козла» так «Козла». Загружай восемь бутылей.

Степанида послушно выставила на прилавок бутылки. После этого пошли консервы, мясные продукты и хозяйственные товары. Закупалась баба Клава минут двадцать.

У местных, привыкших к причудам бабуся, и то терпение подходило к концу, что уж говорить про неподготовленного Крячко. Он переминался с ноги на ногу, облакачивался на прилавок, сгибался пополам, разминая затекшую спину, но в итоге все же не выдержал. Решительно прошел в начало очереди и, не говоря ни слова, принялся кидать выбранный бабусей товар ей в рюкзак.

Очередь оторопело наблюдала за происходящим, ожидая реакции бабы Клавы. А та и сама не знала, как отреагировать на подобную бесцеремонность. Рот раскрыла, а слов-то и нет! Одна Степанида наслаждалась происходящим. Еще бы! Впервые за десять лет, что она торговала в местном магазине, кто-то сумел вывести бабу Клаву из равновесия, да еще и дара речи лишить. Бабуся смолodu за словом в карман не лезла, а уж под старость и вовсе язвой непревзойденной заделалась. А тут, на тебе, стоит и слова вымолвить не может.

В итоге из ступора бабуся вывело как раз выражение лица Степаниды. Краем глаза она поймала торжествующий взгляд продавщицы, и в этот момент до нее дошло, как она оплошала. Дурой баба Клава выглядеть не любила, а потому быстренько сориентировалась. Натянула на лицо умиленную улыбочку и проговорила ласково так, точно внучка на пироги позвала:

– Ох, милоч, не напрасно я твое хозяйство-то нахваливала. Как сердцем почуяла, что человек ты добрый, отзывчивый. Мне-то, древности такой, сколько времени понадобится

лось бы, чтобы покупочки в торбу покласть, а ты вона как шустро справился. А ведь злые языки про вас, городских франтов, сущие страсти болтают. Менталитет у вас, мол, только на удовлетворение личных потребностей направлен, и все такое. Но я им не верила, а теперь и подавно не поверю. Большое сердце, видать, с большим хозяйством как-то контактируют.

Смесь старорусского выговора и окультуренной речи резала слух, но Крячко твердо решил нападки бабуси пропускать мимо ушей. Пусть себе лопочет. Главное, чтобы убрались из магазина побыстрее. Он и так из-за нее добрый час времени потерял. Почему-то ему не хотелось начинать расспросы об Ольшевском в присутствии бабы Клавы.

– Всегда пожалуйста, – буркнул он, укладывая последний сверток в рюкзак и выставляя его на пол возле прилавка.

– Говоришь, обращаться, если нужда приспичит? – хитро прищурилась баба Клава.

Крячко насторожился, очередь подтянулась, предвкушая продолжение спектакля. А бабуся вперила в него сиротливый взгляд, какой бывает у брошенного шелудивого котенка, и елеинным голоском выдала:

– Ты, небось, на колесах, сынок? Не сочти за труд, подбрось древность до хаты. Сам видишь, поклажа у меня непреподъемная, путь неблизкий, а ноги-то уже не те.

– У тебя на крыльце тачка стоит, – опередив Крячко, произнес усатый дядька, как и все присутствующие моменталь-

но поняв, что задумала баба Клава. – Грузись и кати.

Баба Клава и бровью не повела, продолжая смотреть на Крячко жалостливым взглядом. На раздумья тот потратил не более пары секунд, после чего решительно подхватил рюкзак и поволок к выходу. Спровадить бабуся он посчитал более быстрым вариантом решения проблемы. Но бабуся подчиняться и не думала.

– Куда ты, милоч? – окликнула она его у самой двери. – Что ж, сам-то без покупок уйдешь?

– Потом вернусь, – коротко бросил Крячко.

– Э, нет, так дело не пойдет, – заявила баба Клава. – Мне, милоч, спешить некуда, так что сваливай поклажу в угол и получай, за чем пришел. Анна тебя пропустит, да и ребятишки не будут против.

Крячко понял, что теперь он от бабуся не отделается, пока та не выяснит, чего ради он пришел в магазин, и, вздохнув, вернулся обратно.

– Ладно, раз уж пошла такая тема, буду откровенным, – начал он. – Продукты мне не нужны. Мне нужна кое-какая информация. От вас, Степанида.

– Правда? Какая ж с меня информация? – удивилась продавщица. – Я ведь не «Панинский вестник».

– Ты, Степанида, не прибедняйся, – снова вклинился уса-тый дядька. – Все знают, что мимо тебя ни одна сплетня не проходит. Помоги человеку, нечего тут выделяться. Вы и так ему мозг сломали своими выкрутасами.

– А ты, Шивай, командира тут из себя не строй. Давно ли просох, чтобы бабами чужими командовать? – напустилась на него баба Клава. – Степанида и без тебя знает, что следует пришлым выкладывать, а что при себе лучше оставить.

Крячко понял, что, если не вмешается, так и проторчит в магазине до самого закрытия, слушая перебранку местных завсегдатаев. Он сделал шаг в сторону, чтобы видеть лица всех присутствующих, и с ходу выдал им цель своего визита в супермаркет. Известие о том, что пришлый приехал в гости к Николаю Ольшевскому, собравшиеся приняли воодушевленно. Ольшевского в поселке знали и любили. О том, что он собирается покупать какой-то супер-пупер автомобиль, он здесь всем уши прожужжал. С авторынка фотоснимки привозил и кое-какие из них даже показывал тем, кто желал оценить выбор фермера.

А вот что пропал он целых три дня назад, они – ни сном ни духом. Степанида, правда, удивлялась, отчего это он за хлебом не приходит. Раньше каждый день заглядывал. Купит батон или половину пшеничного в нарезке, того, что для то-стера предназначен, поболтает со Степанидой и домой. Иногда и другой товар прихватывал, но чаще ограничивался батоном. Основным набором продуктов он, как и многие панинцы, закупался в сетевом магазине. Средства экономил. Степанида иной раз уговаривала его сырку свежего взять, рыбки солененькой или полуфабрикаты, чтобы не готовить. Ольшевский брал, потом благодарил продавщицу, а та и ра-

да стараться.

Последний раз он появлялся в магазине в субботу. Степанида для него колбаску откладывала. Тот сорт, что предпочитал Ольшевский, привозили нечасто, а тут большую партию привезли. Степанида, на правах давней знакомой, позвонила Николаю, чтобы сообщить о завозе. Тот сказал, что непременно зайдет перед работой. И зашел. Купил колбасу, десяток яиц и ушел. Батон в тот раз не брал. Сказал, что воскресным днем он ему не понадобится. Он собирался перекусить в городе. Причем и поужинать, и позавтракать. Где Ольшевский собирался переночевать в городе, он Степаниде не сказал. Но женщина была уверена, что проблема ночлега у него решена. Заранее решена.

Насчет того, знала ли Степанида, что у Ольшевского с собой крупная сумма денег, ответ Крячко получил отрицательный. Баба Клава, поминутно встречающая в разговор, о деньгах не слышала, несмотря на то, что ее соседка, Наташка-аптекарьша, дружна с женой соседки Ольшевского. Надумай та рассказать кому о деньгах Ольшевского, в первую очередь выложила бы Наташке. Ну, а уж та ей, бабе Клаве.

Усатый дядька Шивай и подавно не был в курсе финансовых операций Ольшевского. Его друзья-собутельники об этом не упоминали, а узнай они о том, что Ольшевский подбогatel, сразу бы помчались деньги на пузырьрек клянчить.

А вот мальчишки-подростки оказались совсем не бесполезны. Поначалу они усиленно делали вид, что их эта тема

не касается, хотя уши и наострили. Крячко некоторое время наблюдал за тем, как они перешептываются, и пришел к выводу, что какие-то мысли на этот счет у подростков имеются. Он оказался прав. Те помялись-помялись, но потом, под нажимом Крячко, выложили то, о чем шептались. В Панино, как и в любом населенном пункте, имелись свои группировки, которые рулили на районах. Не рецидивисты, конечно, так, шелупонь, по столичным меркам. Но они-то сейчас Крячко интересовали больше всего. Если уж кто и мог узнать, что у Ольшевского на руках бабки появились, так кто-то из молодых да ранних.

Сами парнишки в круг избранных не входили, но местными новостями владели. Пока Крячко допрашивал продавщицу, они усиленно пытались вспомнить, не шел ли среди местных гопников слухок про то, что кого-то из панинских на бабки выставили, и пришли к однозначному выводу, что ничего подобного за последние три дня в Панино не происходило. Они бы наверняка узнали, убеждали парнишки полковника. Если бы кто «приподнял» такую кучу бабла, удержаться, чтобы не похвастаться, не смог бы. Хоть своим, но проболтались бы. Ну, и гудеж наверняка устроили бы. С водкой, пивом и девочками. При такой удаче не один район бы гудел, а парни ни о каких грандиозных попойках не слыхали.

Поняв, что большего из беседы не выжмет, Крячко поблагодарил всех за помощь, коротко кивнул и вышел из магазина. Пока шел до машины, анализировал полученные све-

дения. Было их не так уж много. Радовало лишь то, что все они текли по одному руслу. Ни бабы-сплетницы, ни алкаши и нарики, ни гопники местные к исчезновению Ольшевского оказались непричастны. Для Крячко это означало, что он может не распыляться, а спокойно ехать в Воронеж и там искать след друга.

На авторынок Стас приехал, как говорится, к шапошному разбору, что было неудивительно. Обычно народ на таких рынках топчется спозаранку и в основном в субботу и воскресенье. Эти дни для покупки-продажи автомобилей самые «рыбные». Вот тогда здесь и продавцов, и покупателей, что килек в банке. И техники нагоняют на продажу раз в десять больше, чем в будний день, когда за сетчатым забором остаются лишь кирпичи да невыездные, те, что так называемые «перекупы» со всех концов страны пригоняют в убитом состоянии, а затем перепродают здесь по завышенным ценам. Хочешь – бери, а нет, так отваливай. Они свой товар и на будни оставляют, потому как перегон дороже навару выйдет, если каждый раз машину туда-сюда гонять.

Но все же Крячко повезло. На воронежском авторынке местные власти объявили среду днем акционных тарифов, снизив плату за въезд и торговое место аж в десять раз, а для покупателей в этот день предоставлялась бесплатная парковка и продленный рабочий день в конторах по оформлению договоров купли-продажи. Причем и их услуги стоили в этот день на порядок ниже. Так что среда для воронежских тор-

говцев товаров на колесах впустую не проходила.

Бросив машину на парковке, Стас миновал шлагбаум и осмотрелся. На обширной территории все еще стояли автомобили и неспешно прогуливались запоздалые покупатели из тех, кто хорошей торговле предпочитает сладкий утренний сон. Подумав, он двинулся вдоль опустевших рядов машин, обращаясь к каждому из оставшихся продавцов с одним и тем же вопросом: знаком ли им завсегдатай воскресного рынка Николай. Фотографию Ольшевского он предусмотрительно захватил, когда был у того дома. На снимке он был моложе лет на пятнадцать, но особой роли это не играло. Стрижку Ольшевский не менял со студенческих времен, да и повзрослев, постарел не особо, так что и по имеющемуся снимку он был вполне узнаваем.

Пройдя все ряды из конца в конец, так и не удалось найти хоть одного продавца, который бы признал в Ольшевском постоянного посетителя рынка. Это настораживало. По сути своей, продавцы подержанных машин люди весьма наблюдательные, им по статусу положено иметь идеальную память на лица, угадывать намерения и возможности клиентов, будь они реальными или потенциальными. Так как так вышло, что за полгода, которые Ольшевский катался на этот рынок, ни один из продавцов не смог запомнить его внешность? Четыре воскресных дня в месяц, шесть месяцев подряд – это же целая прорва дней. Неужели за такой срок Ольшевский не примелькался бы? Скидку на не базарный день он, разу-

меется, сделал. И о том, что от реального количества продавцов к моменту его приезда на рынке осталась лишь четверть, тоже не забыл. Но все же ситуация казалась ему совершенно невозможной.

Как минимум с десятков продавцов заявили, что торгуют на этом рынке не первый год, не пропускают ни одного воскресного базара, и все же Ольшевский им незнаком. А седоватый мужик, что торговал подержанную «Ниву», так вообще Крячко на смех поднял, когда тот сообщил, что Ольшевский на рынке вроде как завсегдатай. Ты, говорит, друга своего порасспроси как следует, может, он тебе и признается, куда по воскресеньям шляется. Наверняка, мол, жене говорит, что на базар, а сам к зазнобе под теплый бочок. Этот же мужик дал Крячко дельный совет, предложив попытать счастья у Карима, который профессионально занимается перекупом и буквально живет на рынке. Занимается Карим исключительно восстановленными иномарками, но качество товара у него отменное. Если уж Карим занялся реставрацией авто, значит, выйдет из его гаража такая красавица, что и английскому послу не стыдно предложить. К нему, мол, на год вперед очередь за товаром расписана, а на рынок он работу свою вроде как в рекламных целях выставляет. Доведет до ума, пару недель постоит с ней на рынке, люди подходят, смотрят, ценой интересуются. Он им весь расклад дает, а потом объявляет, что машина давно продана, но сотворить такое чудо и для них берется. Так и крутится.

Совет Крячко понравился. На месте Николая он бы так и поступил: выбрал бы себе тачку, заказал умельцу Кариму и ждал бы, пока тот найдет то, что нужно именно Ольшевскому. Тем более что работу Карима все хвалят. Адреса его мужик не знал, но сообщил, где тот любит свободное время проводить. В противоположном конце города, на трассе недалеко от выезда, брат Карима держал забегаловку для водителей-дальнобойщиков. Там и проводил свое время Карим.

Не теряя времени, Стас отправился туда. Проехав через весь город, выехал на трассу и почти сразу увидел то, что искал. Длинное одноэтажное здание, обложенное декоративным камнем. Вдоль трассы протянулась вместительная парковка, на которой припарковались с десятков фур и рефрижераторов. Открытая терраса пустовала, а вот внутри совсем по-домашнему расположились хозяева фур – дальнобойщики. Перед каждым стоял поднос с тарелками и салатниками. От тарелок шел пар, густой аромат витал в воздухе, дразня и возбуждая аппетит. Водители активно работали ложками, лишь изредка перебрасываясь словами.

Крячко сглотнул слюну, желудок предательски заурчал, напоминая о том, что скудной трапезой его лишь слегка задобрили, но от голода не избавили. Не успел он осмотреться, как к нему подскочил румяный улыбчивый парнишка в форменной куртке и кепочке.

– Добро пожаловать к Нагиму, – открыто глядя в глаза

Крячко, поздоровался он. – Впервые у нас?

– Так уж вышло, – как бы извиняясь, ответил Стас.

– Отлично! – почему-то обрадовался официант. – Поверьте, вы попали туда, куда нужно. Кто к Нагиму попадает, тому во всем сопутствует удача и благополучие.

– Я думал, сюда заглядывают просто перекусить, – удивленный формой приема, произнес Стас.

– О, вы просто не представляете, о чем говорите, – замал руками официант и доверительно, точно закадычному другу, сообщил: – Раз поесть у Нагима все равно, что положительной энергией на неделю зарядиться. А знаете, почему? Да потому, что имя «Нагим» так и переводится. «Нагим» по-татарски – благополучие. Еда здесь приготовлена с любовью и пожеланием всех благ трапезничающим, и это не просто слова. Попробуйте нашу фирменную шурпу, сами все поймете. А эчпочмак? Это же не пирожки, а песня!

– Шурпы не нужно, а вот чпочмаков ваших насыпьте с десятков в пакет. – Крячко решил не отказываться от представившейся возможности и совместить приятное с полезным. – И еще, пригласите-ка вашего хозяина. Надеюсь, он на месте.

– Хозяина? Вас что-то не устроило в обслуживании? – напрыгся официант.

– Все на высшем уровне, – заверил Крячко, доставая удостоверение. – Просто мне нужен Карим, а кто как не брат мне в этом поможет.

– Так я мог бы и самого Карима позвать, – воодушевился официант. – Посидите, поедите, дела лучше за шурпой обсуждать. Баранина у нас наисвежайшая.

– Уговорил, парень, тащи свою шурпу. Только уж и Карима в придачу, – рассмеялся Стас. – Но сперва столик мне поуютнее организуй.

– Это мы мигом, – засуетился официант. – Проходите за мной, я вас во втором зале устрою. Там тихо, и кабинки отдельные.

Крячко прошел во второй зал. Он оказался разделен на отдельные секции симпатичными ширмами, задрапированными тканью с национальной росписью. За ширмой располагался низкий столик. Он стоял на ковре в окружении целой кучи расшитых подушек. Только Крячко устроился на подушках, как официант выставил перед ним глубокую пиалу с дымящимся бульоном, из которого торчала баранья кость. Запах от пиалы шел такой, что рот Крячко моментально наполнился слюной. Не раздумывая больше, он схватился за ложку. Официант пожелал приятного аппетита и сообщил, что Карим присоединится к полковнику через пять минут. Заглатывая куски баранины вприкуску с пирожками, начиненными все той же бараниной, Стас мечтал лишь о том, чтобы успеть расправиться с огромной порцией до того, как придет Карим.

Глава 4

Карим подошел как раз тогда, когда он отправил в рот последнюю ложку наваристой шурпы. Рукопожатия не получилось, Стас успел извозить пальцы о баранью кость, а в таком виде подавать руку было как-то неловко. Карима этот небольшой казус не смутил. Он спокойно пододвинул гостью салфетницу и вежливо поинтересовался:

– Вижу, стряпня Агзии пришлась вам по вкусу. Да вы не смущайтесь. Жена моего брата – непревзойденный повар.

– Что есть, то есть, – подтвердил Крячко. – В жизни такой вкусной еды не пробовал.

– Кулунтай сказал, вы из полиции? – перешел к делу Карим.

– Так точно, но здесь я неофициально. Приехал к другу в гости, а его дома не оказалось. – Стас решил представить дело, как нечто обыденное. – Хотел ему сюрприз сделать, а получилось, что это он мне его преподнес.

– И вы считаете, что я могу вам помочь его найти? – предположил Карим. – Мы с вашим другом знакомы?

– Надеюсь, что да. – Стас тщательно вытер руки о салфетку, достал из кармана фото Ольшевского и протянул Кариму: – Взгляните, это мой друг, Николай Ольшевский. Он вам знаком?

– Почему вы считаете, что мы должны быть знакомы? –

поднося снимок поближе к свету, спросил Карим.

– Он увлекается автомобилями, а недавно сообщил мне, что собирается купить иномарку. Подержанную. На рынке мне указали на вас, как на лучшего эксперта в этом вопросе, вот я и подумал, что он мог обратиться к вам за помощью. Сам-то он в машинах не особо шарит.

– Да, мы с ним общались, – заявил Карим, возвращая фото. – Примерно с месяц назад. Он заказал мне вполне достойную модель «Опеля». Обычно на такой заказ уходит от шести до двенадцати месяцев. Найти машину, чтобы подходила клиенту и по цене, и по качеству, не так-то просто, а тут вдруг нужная модель подвернулась. Я созвонился с Николаем, он подтвердил свое намерение, и я начал переговоры с продавцом. Завтра собирался ехать забирать ее. Она в Тольятти, так что путь неблизкий. Только до друга вашего дозвониться не смог. Одним словом, помочь я вам ничем не могу.

– Вы уже мне помогли, – просто ответил Крячко. – Теперь я знаю, что и когда собирался приобрести мой друг, а это уже полдела.

– Я не совсем понимаю, – начал Карим. – Вы хотели узнать, где сейчас ваш друг, или каковы его намерения относительно покупки машины?

– И то и другое. – Стас поднялся, разговаривать с Каримом, когда он нависает сверху, было не совсем приятно. – Был бы рад, если бы вы смогли сказать, где его искать, но и

относительно машины информация не лишняя.

– С вашим другом случилось что-то плохое? – Карим интуитивно почувствовал, что вопросы полковник задает не ради простого любопытства.

– Будем надеяться, что нет, – вздохнул Крячко. – Напомните, как давно вы сообщили Ольшевскому, что нашли подходящий автомобиль?

– На прошлой неделе, в субботу, – без запинки ответил Карим. – А когда пропал ваш друг?

– В воскресенье. Снял деньги в банке, уехал в город и исчез. На телефонные звонки не отвечает, дома и на работе не появляется.

– Предоплату я беру тогда, когда машину пригоню, а окончательный расчет после завершения восстановительных работ, – задумчиво произнес Карим. – Непонятно, зачем ему так рано деньги снимать? В запасе у него еще недели три как минимум было – неделя на перегон и две на реконструкцию.

– Вот и мне непонятно. Может, он в разговоре об этом упоминал?

– О том, что снял деньги? – переспросил Карим. – Нет, об этом разговор не шел. У меня для всех клиентов правила одинаковые.

– Может, Николай об этом не знал? – предположил Стас.

– Исключено. Финансовый вопрос я всегда обсуждаю в самом начале. Прежде чем давать обещания относительно заказа.

– Тогда действительно непонятно, чего ради он так спешил, – согласился Крячко. – Должна же быть причина.

– Здесь я вам не помощник, – развел руками Карим.

– Скажите, Ольшевский обратился напрямую к вам, или ему вас кто-то порекомендовал?

– Мой номер телефона можно найти на всех сайтах, на которых выставляются объявления о продаже восстановленных авто, – пояснил Карим. – Думаю, Николай вышел на меня через эти объявления. А что вас смущает?

– Вы и сами знаете, сколько в интернете мошенников пачесся. Можно реально нарваться на дельца, который чуть подшаманит битую тачку и выставляет, как новую, – объяснил Крячко.

– Меня в Воронеже все знают. Наверняка Николай обо мне не раз слышал, раз уж он так автомобилями увлекается, – заметил Карим. – У любого в городе спросите, кто такой Карим, и вам ответят, не задумываясь. И номером телефона поделятся.

– Так уж и каждый? Почему тогда кто-то предпочитает иметь дело с другими перекупщиками?

– У меня авто ждать нужно, – объяснил Карим, – а это не всех устраивает.

– Логично, – согласился Стас. – Что ж, спасибо за откровенность. Не считите за труд, если вдруг Ольшевский проявится, позвоните мне.

Он продиктовал номер своего мобильного, Карим внес

его сразу в телефон и пообещал держать связь, после чего ушел. Крячко же не торопился. Заказал чай, съел часть пирожков, заказанных навынос, и решил, что пришло время проверить состоятельность второй версии. Достав из кармана визитку, он набрал номер фирмы, предлагающей настоящим мужикам незабываемый отдых.

Минуту спустя из телефонной трубки полился мелодичный женский голос:

– Фирма «РуАр», чем могу помочь?

– Здравеньки булы, баришня, – подпустив в речь украинский акцент, проговорил Стас. – Не откажите в любезности, хочу провести вечер у компании гарной дивчины.

– Вы позвонили в компанию «РуАр», – сохраняя вежливый тон, заявила девушка. – Представьтесь, пожалуйста.

– Данило Нечипоренко, – после секундной паузы представился Крячко. – Так как насчет гарной дивчины? Тильки мо-сластых мне не треба. Малость попышнее.

– Боюсь, вы не туда попали, – выдала девушка и бросила трубку.

Крячко обескураженно воззрился на мобильник. Странно! Предлагают интим-услуги, а сами трубки бросают. Ну, и сервис. С таким обслуживанием и в трубу вылететь недолго. Выждав пару минут, он снова набрал номер фирмы. Ответила все та же девушка с мелодичным голосом. Услышав в трубке знакомый акцент, она снова дала отбой, даже не удосужившись дослушать и уж тем более ответить. Крячко еще

сильнее удивился, но сдаваться не собирался. Он сделал двенадцать звонков, всякий раз меняя голос и привнося в речь новый акцент, прежде чем понял, что удовлетворять его желания девушка не собирается.

«Все-таки очень странно. Каким же образом они клиентов себе ищут, если отшивают всех после первых же слов? – раздумывал Крячко. – Может, фраза про отдых означает вовсе не то, о чем я подумал?» Придя к такому выводу, он вызвал официанта и попросил принести телефон. Тот просьбу выполнил. Спустя несколько секунд на подносе перед Крячко лежал радиотелефон стационарной связи. На этот раз Стас обошелся без акцента. Как только девица произнесла шаблонную фразу, представляя название фирмы, он как можно вежливее произнес:

- День добрый, меня интересуют услуги вашей фирмы.
- Представьтесь, пожалуйста, – вновь попросила девушка.
- Александр Николаевич Струнов.
- Минуту. – Девушка запустила режим ожидания, и в уши Крячко полилась релаксирующая музыка. Длилось это, правда, недолго. Голос девушки вновь зазвучал из динамика: – Простите, но вас нет в списках. Возможно, вы не являетесь членом клуба. Удачного дня! – И снова из трубки полились короткие гудки.

«Что за чертовщина такая, – раздосадованно подумал Стас. – Отдых для мужчин должен быть доступен, вне зависимости от каких-то списков. Это что – какая-то элитная

тусовка проституток?» Тем не менее желание звонить испарилось. Вернув трубку официанту, он поинтересовался, не слышал ли тот о фирме под названием «РуАр». Тот пожал плечами и испарился. Ждать новых чаевых от посетителя, который ничего больше заказывать не собирается, было глупо, потому он и поспешил найти себе нового.

Тогда Крячко решил покопаться в интернете в поисках информации о фирме «РуАр». Результатов запрос не дал. На необъятных просторах Всемирной паутины сайта этой фирмы не существовало, что несколько обескураживало. Неужели они держатся на плаву лишь благодаря раздаче визиток? И, кстати, где Ольшевский мог ее получить? И почему такая официальность? Требование назвать имя и фамилию, сверка по спискам и полный игнор простых граждан. Что за фирма такая, которая не стремится заполучить нового клиента?

Вопросов было больше, чем ответов, и он решил вновь обратиться к Кариму, вдруг тот что-то слышал про «РуАр»? Но ни Карим, ни его брат Насим про такую фирму ничего не знали. Желая помочь, Насим прозвонил своих друзей, но и те ничего о ней не слышали, из чего Стас сделал вывод: фирма эта не так проста, как казалось на первый взгляд.

Он вышел из придорожного кафе, постоял с минуту на крыльце, вдыхая свежий воздух. Стрелка часов едва перевалила за отметку семнадцать ноль-ноль, до захода солнца оставалось не меньше двух часов, а все запланированные розыскные мероприятия у Крячко закончились. Закон-

чились и идеи. Он стоял на крыльце и раздумывал, что предпринять. Пойти слоняться по городу в надежде наткнуться на вывеску с искомым названием? Спрашивать у каждого встречного, не знает ли тот, где располагается фирма? Или пойти в ближайший опорный пункт полиции и подать заявление о пропаже друга?

Последний вариант выглядел наиболее перспективным, и, по уму, так и следовало поступить, но Крячко медлил. Ему казалось, что, как только он переступит порог полицейского участка, в тот же момент исчезнет последняя надежда на положительный исход дела. Будто черту подвести, принять, как данность, что добром исчезновение Ольшевского не закончится. Он не появится на пороге собственного дома в подпитии и с шикарной дамой в обнимку. Не поприветствует друга, не сожмет его медвежьей хваткой, не потащит его в гостиную, не расставит бутылки холодного пива на журнальном столике. Ничего этого уже не будет, как только Крячко войдет в дежурку.

Умом он понимал, если с Ольшевским все в порядке, то никакие его действия на это не повлияют, и наоборот. И все же никак не мог решиться на этот шаг. «Возможно, я излишне драматизирую, – вел сам с собой мысленный диалог Стас. – Быть может, он давным-давно вернулся домой. Сидит себе на кухне, чай попивает, колбасу хомячит, и я напрасно беспокоюсь». Эта мысль захватила его целиком. Ведь такое и впрямь возможно. Сколько времени прошло с тех пор, как

он покинул дом Ольшевского? Достаточно для того, чтобы тот успел вернуться. «Надо проверить. Если уж его там нет, тогда тянуть не стану. Пойду к участковому в Панино, – решил он. – Так будет вернее».

Крячко сел в машину, завел двигатель и поехал к дому Ольшевского. Путь до Панино Стас выбрал крайне неудачно. Он дважды застрял на переезде, из-за чего путь, требующий от силы часа езды, превратился в двухчасовое путешествие. Да еще полчаса времени сожрал объезд ремонтируемого участка дороги. В итоге к дому Николая Стас подъехал уже затемно. И сразу понял: надежды на то, что Ольшевский вернулся домой в его отсутствие, не оправдались. Света в окнах видно не было.

Он снова обошел дом с тыльной стороны, открыл калитку и прошел на крыльцо. На этот раз отмычка сработала не сразу, пришлось повозиться. Попад внутрь, он упрямо прошел по всем комнатам, выглядывая друга. Вдруг тот решил вздремнуть с дороги, вот свет и не включил? Но нет, и кухня, и остальные комнаты были пусты. Свет зажигать Крячко не стал, опустился на табурет в кухне и в сотый раз за день надолго задумался.

Раздумья привели его к выводу, что надеяться на оптимистичный исход больше нельзя. Оставалось решить, стоит ли идти к участковому на ночь глядя, или же дожждаться утра. Без помощи местных правоохранителей не обойтись, это факт, но вот писать ли официальное заявление о про-

паже человека, придется сориентироваться на месте. Итак, идти или дожидаться утра? Время утекало, а решение все не приходило. В итоге, наплевав на все логичные и рассудочные доводы разума, Стас подбросил монетку. Орел – идет к участковому, решка – отправляется в местный бар, там, по крайней мере, есть люди, а оставаться в пустом доме до утра ему терпения не хватит.

Рублевая монета взлетела к потолку, перевернулась несколько раз и мягко легла на правую ладонь. Крячко прикрыл ее ладонью левой руки, не давая соскользнуть на пол, затем убрал руку и взглянул на результат. Выпала решка. У него аж от сердца отлегло, он посчитал это хорошим знаком, выключил свет и вышел на улицу. Еще засветло, когда искал подходящий магазин, Стас заприметил в конце улицы здание, оформленное огоньками, на фасаде которого красовалась вывеска «Бар у Джо». И ниже приписка: «Открыты круглосуточно». Место показалось ему подходящим: и от дома Ольшевского недалеко, и на вид вполне приличное.

Спустя десять минут он уже сидел за стойкой бара перед кружкой пенного пива. Бармен поставил перед ним неглубокую стеклянную миску с фисташковыми орехами – подарок от фирмы. Крячко неспешно шелушил орехи, время от времени прихлебывая из кружки. В баре играла ненавязчивая музыка, в дальнем конце светился экран телевизора. Народу в баре было немного, сказался будний день, но все же достаточно. Столики, расставленные в хаотичном порядке, были

наполовину пусты. Контингент посетителей оказался разношерстным, от седеющих мужиков и перекрашенных во все цвета спектра женщин до юных подростков, едва-едва отметивших свое восемнадцатилетие.

Примерно без четверти десять, когда Стас, заказав очередную кружку, решил, что пора закругляться, в бар вошел новый посетитель. Его появление вызвало некий дискомфорт среди посетителей, особенно в кругу новоиспеченных совершеннолетних. Разбежаться никто не стал, но гомон несколько поутих, и взгляды ушли куда-то в сторону. У Крячко создалось впечатление, что они ждут, когда новый посетитель начнет с порога обличать присутствующих во всех смертных грехах, а то и длинную проповедь прочтет о пороке пьянства и праздности. Но ничего подобного не случилось. Посетитель окинул бар внимательным взглядом, после чего подошел к барной стойке и занял соседнее с Крячко место. Бармен услужливо пододвинул ему пепельницу и, заискивающе глядя в глаза, спросил:

– Вам как обычно, Андрей Васильевич?

– Как обычно, Валера, – негромко ответил посетитель.

Стасу стало любопытно, отчего этот посетитель вызвал столь странную реакцию и бармена, и остальных? Заняться ему было нечем, и он стал исподтишка рассматривать парня. На вид ему было не больше двадцати пяти. Высокий рост, крепкие бицепсы, широкие плечи. Волосы коротко острижены, выражение лица, с неким налетом суровости, могло бы

прибавить пару-тройку годков, если бы он отрастил бороду или хотя бы усы. Но сделать этого парень физически не мог. Наметанным глазом Крячко определил, что растительность на лице парня попросту отказывается расти. Небольшие островки щетины располагались настолько редко, что ни о какой бороде и речи не шло.

Одежда парня ни о чем сыщику не говорила. Классические темно-синие джинсы, бежевая водолазка под горло, сверху простая ветровка без каких бы то ни было украшений. Ботинки начищены до блеска, но успели обрасти дневной пылью. Стас перевел взгляд на руки парня. Кольца на безымянном пальце он не увидел. «Значит, холост и хорош собой. Жаль, здесь нет подходящих кандидаток, а то бы парню недолго пришлось грустить в одиночестве, – подумал он. – И кто же он такой? Местный авторитет? Или сынок кого-то из элиты Панино, если в поселке вообще есть элита?»

– Хотите что-то спросить? – ворвался в его мысли неожиданный вопрос.

– Это ты мне, приятель? – разворачиваясь к парню лицом, спросил Крячко.

– Вам, приятель, – с некоторой долей иронии ответил тот.

– Любопытно, – произнес Крячко и замолчал.

– Что именно? – переспросил парень.

– То, как все они на тебя реагируют, – пояснил Стас. – Ты что, местный воротила?

– Типа того. – Парень рассмеялся, отчего стал выглядеть

еще моложе.

– Сынок влиятельного чинуши? – не позаботившись о том, чтобы выбрать более корректную форму, задал вопрос Крячко. Смех парня ему понравился, с таким смехом он просто не может быть из тех, кто каждое слово воспринимает в штыки.

Вопрос парня не разозлил и не обидел, а лишь еще больше рассмешил.

– Я детдомовский, – заявил он. – К тому же не местный.

– Тогда откуда?

– Из Воронежа. Два года назад перевелся.

– Военный? – предположил Стас. – Разве в Панино есть военная часть?

– Участковый полицейский, – сообщил парень, избавляя его от долгих гаданий.

– Вот как? Коллеги, значит. А я – полковник полиции. Из Москвы.

– Приятно встретить коллегу во враждебной среде, – явно обрадовался парень. – Капитан Звонников, шестой отдел.

– Полковник Крячко. Стас, – пожал протянутую руку Крячко. – Может, за знакомство, а, Андрей Васильевич? Пиво здесь вполне приличное.

– Простите, я не пью, – виновато пожал плечами Звонников.

– Болеешь? – выдал Стас шаблонную шутку.

– Принципиально, – улыбнулся Андрей. – Про детдомов-

ских в обществе и так слишком много басен и сплетен ходит, так что я вроде как за державу стою.

– Похвально, – уважительно кивнул Стас. – А я вот пивком балуюсь. В отпуске можно.

– Пейте на здоровье, я в чужие дела не лезу, – заявил Звонников.

– Ну, хоть против общения ты не возражаешь?

– Против общения не возражаю.

Вернулся бармен, поставил перед Звонниковым запотевшую бутылку «Боржоми». Тот коротко кивнул, свинтил крышку и отхлебнул прямо из горлышка ледяную жидкость.

– И как только ты ее пьешь? – удивленно проговорил Стас. – Там же лед плавает.

– Люблю похолоднее, – рассмеялся Звонников и перевел тему: – Вы к нам какими судьбами, товарищ полковник?

– Стас, – поправил его Крячко. – И раз уж я не на службе, валяй на «ты». Субординация хороша в стенах МВД, а в баре и в бане только мешает.

– Согласен. – Капитан не стал жеманиться, а с ходу принял условия, и Крячко это понравилось. – Так какими судьбами в наши края, Стас?

– Друга навестить приехал, – ответил Крячко, и тут вдруг до него дошло, какой подарок преподнесла ему судьба. Вот же он, районный участковый, к которому он собрался идти, как только рассветет. Живой, энергичный, да еще и в неформальной обстановке, вроде как и при должности, но не при

исполнении. Это же настоящая удача. Глаза его загорелись, что не ускользнуло от внимательного взгляда Звонникова. Он открыл было рот, чтобы задать вопрос, но в последний момент передумал. Не его это дело, отчего вдруг для полковника воздух перспективой запах. И все же совсем без вопроса не обошлось, реплика Крячко сама на него наводила.

– Что же в бар без друга пришел? Поссорились, или он работой занят? – поинтересовался Звонников, легко переходя на «ты».

– Да не срослось, – уклонился от прямого ответа Стас. – А ты-то что один по барам ходишь? В твои годы я ни одного вечера впустую не тратил.

– Ты о девушках? Была бы девушка, я бы в баре вовсе не сидел. Вот найдется такая, с которой в тесной кухоньке уютно, так с барами и завяжу.

– Рано тебе еще об этом думать. Гуляй, пока молодой.

– Может, и так, только когда тебе в затылок тридцатник дышит, хочется уже тылами обзавестись.

– Сколько-сколько? Тридцатник? Ты ничего не перепутал, парень? – не смог сдержаться Стас. – Лет через пять, пожалуй, и следует об этом задуматься, но уж точно не сейчас.

– Если бы через пять, – вздохнул Звонников. – А то счет уже на месяцы пошел, в декабре ровно тридцать.

– А на вид и не скажешь, – покачал головой Крячко. – Да ты не кисни, отыщется и твоя половинка, раз уж стремление есть.

– Твоя отыскалась? Сам вижу, что нет. – Звонников снова вздохнул, затем тряхнул головой и перевел тему: – Панино – поселок относительно крупный, а народ здесь, по большей части, простой. Тебе понравится, если задержишься достаточно долго.

– Я бы предпочел время в Воронеже проводить, – ухватился за предоставленную возможность затронуть интересующую тему Стас. – Я ведь городской, и развлечения предпочитаю городские. Сидеть в баре и пялиться в телевизор – это не предел моих желаний.

– Так отчего не остановился в городе?

– Ночевать негде. Здесь-то у друга квартируюсь, а там где? В гостинице? Сотни за сутки отдавать? Такая перспектива меня не прельщает, – заявил Крячко. – Нет уж, один вечерок я и в поселковом баре перекантуюсь. Вот, тебя встретил, уже веселее. Глядишь, подскажешь мне, в какие места в Воронеже холостому парню не грех заглянуть. Ты ведь сказал, что сам из Воронежа, верно?

– Так точно. Учился там, потом стажировался при управлении. Затем сюда попросился. Хотел силы испытать, – разоткровенничался Звонников. – Место здесь освободилось, как раз под новое звание.

– Карьера – дело хорошее, но ведь наверняка и в Воронеже капитанские погоны мимо тебя не прошли бы. Чуть позже, но наверняка бы присвоили.

– Не нравится мне в большом городе, – признался Ан-

дрей. – Несправедливости слишком много, а в поселках, вроде этого, все намного проще. Если воруеться – будь готов сесть. Если дебоширишь – не скули, когда по «тыкве» наступят. А жену обижаешь, так с «обезьянником» познакомиться готовься. Хоть ты богач, хоть бедняк, хоть выдвиженец в депутаты. Здесь все равны.

– Так вот все просто? – усмехнулся Стас.

– Ну, может, и не совсем так, но по большей части, – пожал капитан плечами. – А в большом городе вообще все с ног на голову перевернуто. Воруют одни – сажают других. Жена с синяками – так ее же и в «обезьянник». Зачинщик драки заяву пишет, освидетельствовав двухсантиметровый синяк под глазом, а того, кто дурака уму-разуму учил, за это и сажают.

– Зато в городе развлечений хоть пруд пруди, – заметил Крячко. – Клубы, бары, не чета этому, массажные салоны. Да что перечислять? Там в одном месте все сразу получить можно. Вот, я слышал, есть у вас в Воронеже фирма одна. Как же она называется? «Реал»? Нет, не так. «Ареал»? Тоже не то. Черт, название забыл!

– «РуАр», – подсказал Звонников.

– Верно! «РуАр»! А я гадаю. Чувствую, что рядом, а на язык не идет, – радостно заявил Крячко. – Хорошая, говорят, фирма. Все по высшему разряду, и цены демократичные.

– Мы про одну и ту же фирму говорим? – В голосе капи-

тана проскользнуло сомнение. – Наш «РуАр», и вдруг демократичные цены? Нет, друг, это не про него. Да и само место не про тебя.

– Что так? Я что, рожей не вышел? Или у них там по одежде дресс-код? – Крячко сделал вид, что оскорблен. – Я, между прочим, тоже не из бомжей. Китель форменный прихватил.

– Ага, в «РуАр» в кителе только и соваться, – громко, от души рассмеялся Андрей. – Ну, насмешил, товарищ полковник. В «РуАр» – в ментовском кителе!

– Чего ржешь-то? Я при погонах тот еще красавец, – продолжал ломать комедию Стас, надеясь вытянуть из Звонникова информацию об интересующей его фирме.

– Да ты хоть знаешь, что такое этот самый «РуАр»? – отсмеявшись, спросил Звонников. – Кто тебя вообще надумил туда соваться?

– Друг мой. Он их услугами систематически пользуется, – выдал Крячко.

– И кто же у нас друг? Металлом занимается? Или, может, с продажи алкоголя бабки стрижет? – Капитан разразился новым приступом смеха. – Чего же он тебя тогда туда не отвезет? Или ты сам по экзотике соскучился, вот и сидишь в этой дыре с простыми смертными?

– Он – фермер, – с гордостью произнес Стас. – Плодовые сады у него, и цех по переработке сырья. Не последний человек в Панино, между прочим.

– Ольшевский, что ли? Это он-то в «РуАре» свой человек? – У Звонникова даже смех пропал, лицо сразу сделалось серьезным. – Не хочу никого обидеть, да только друг твой, видать, прихвастнул чуток. Ольшевский мужик хороший, стоящий. И друг наверняка прекрасный, да только на этот раз его куда-то не туда занесло.

– Чем же мой друг вашему клубу не подходит? – спросил Крячко.

– Да тем, что в этот клуб тому, у кого доход восьми ноликов не насчитывает, дорога заказана, – честно ответил Звонников. – А, насколько я знаю, у Ольшевского дела с его плантациями не особо чудесно идут.

– И все же он в этом клубе свой человек. Он и визитку мне презентовал. – Крячко достал пластиковый прямоугольник и предъявил капитану. – Видишь, не врет мой друг.

– Подумаешь, визитка, – фыркнул Звонников. – Вот если бы он тебе членский билет выдал, тогда бы я еще призадумался. А визитка – чихать они на нее хотели!

– Да что ты все заладил «не может быть, не может быть». Толком можешь объяснить, откуда уверенность, что друг мне врет? – вспылil Крячко, и на этот раз ему даже притворяться не пришлось.

– Ладно, расскажу тебе, что из себя представляет этот клуб, – смягчился капитан. – Ты пивка-то себе закажи, рассказ будет долгим.

Крячко послушно подозвал бармена, попросил налить

еще кружку пенного и обновить блюдо с фисташками. Попытался было заказать угощение и Звонникову, но тот наотрез отказался. Одной бутылки «Боржоми» ему, мол, за глаза. Получив заказ, Стас приготовился слушать. Звонников достал из нагрудного кармана пачку сигарет, прикурил и начал рассказывать.

Клуб «РуАр» основал один из так называемых «сынков олигархов», Артем Рубан. В Воронеже олигархи не чета столичным, но, по местным меркам, люди это весьма и весьма состоятельные. И настолько же влиятельные в рамках отдельно взятого города. Произошло это без малого десять лет назад. Сам Звонников в то время заканчивал школу милиции и был полон романтических соплей относительно своей будущей профессии. Ему казалось, что стоит только получить место на районе, и он сумеет избавиться от всех преступников разом.

Артем Рубан преступником не был. На тот момент он был всего лишь двадцатипятилетним сосунком, гоняющим на спортивном авто, подаренном дражайшим папочкой, и живущим в закрытом коттеджном поселке, который тот же папаша презентовал. Детдомовским мальчишкам, каким был в то время Звонников, жизнь Рубана казалась раем. А так как пути их частенько пересекались на различных конференциях и демонстрациях, на которые детдомовцев гоняли чуть ли не каждый месяц, то и все похождения, и приключения молодого миллионера проходили у них на глазах.

В какой-то момент Рубан вдруг решил остепениться, начать новую жизнь с нового листа. Этой метаморфозе, как водится, предшествовал крупный скандал с участием Артема. Напившись, тот попал в ДТП, вернее, стал его виновником. Папаша его тогда отмазал, но поговаривали, что за провинность лишил наследника содержания. Привыкший к роскошной жизни, влачить жалкое существование на подачки матери Рубан не захотел. Вот тогда и образовался этот самый элитный клуб под названием «РуАр». Собственно, сама аббревиатура содержала в себе всю степень амбиций молодого наследника. Ру – первый слог от фамилии, Ар – соответственно, первый слог от имени. Несмотря на то что у Рубана были помощники из числа привилегированных друзей, увековечить для истории Рубан решил только свое имя.

Поначалу в клуб принимали всех желающих, и даже без крупных финансовых вложений, то есть без требования оплатить вступительный взнос. Но постепенно в клуб начали подтягиваться настоящие корифеи от бизнеса. Он начал процветать и приносить стабильный доход, а вместе с ним начал набирать вес и Артем. Папаша Рубана чуть не лопался от гордости. Еще бы ему не радоваться. Сын пошел по стопам отца, сам создал себе нишу в коммерческих дебрях, сам ее занял и удерживал позиции, не требуя помощи от кого бы то ни было.

В итоге на настоящий момент клуб Рубана является сугубо закрытым местом, где богатые и очень богатые люди Во-

ронежа расслабляются после тяжелой трудовой недели. А так как подняться над серостью будней желающих достаточно, более того, число их с каждым днем все растет, Рубан имеет шикарную платформу для любых действий. В его клуб попасть могут лишь избранные.

Условия членства простым смертным неизвестны, но поговаривают, что, прежде чем выдать книжку для оплаты членских взносов, кандидата проверяет сам Рубан. В случае, если он по каким-то причинам кандидата забраковал, тот не получит права на место в клубе, даже если у него куча бабла, и он за раз может выкупить абонемент на десять лет вперед. В этом случае деньги роли не играют, поэтому в среде богатых людей имя Рубана произносят с уважением, и ссориться с ним желающих не находится.

После рассказа Звонникова Крячко призадумался. Как мог Ольшевский попасть в этот элитный клуб? Кто дал ему визитку? И звонил ли он хоть раз по телефону, указанному на обороте карточки, или она оказалась у него совершенно случайно? Что вообще он забыл в этом клубе? Люди, отъевшиеся на госзакупках и прочей бюрократической ерунде, Николая никогда не привлекали. Более того, он их на дух не переносил. А тут вдруг раз – и он в среде олигархов. Впрочем, проверить, звонил ли Ольшевский в фирму Рубана, труда не составит. На этой мысли Крячко решил задержаться. Направление, в котором следует вести расследование, определилось, он это сразу почувствовал, как и то, что без по-

мощника ему не обойтись. Хотя бы в качестве консультанта. И кандидатура Звонникова как нельзя лучше подходила для осуществления его плана.

А планировал он попасть в этот элитный клуб и выяснить все изнутри. Но сначала ему необходимо получить распечатку звонков с мобильного. Если Ольшевский с владельцем клуба все же договорился, Стас это увидит почти сразу.

Приняв решение, он больше не сомневался. Отодвинул от себя кружку и выложил все, что касалось ситуации с исчезновением Ольшевского. Прямо и начистоту.

Глава 5

Утреннее пробуждение далось Стасу нелегко. Вечером ему казалось, что выпил он не так много, но у коварного напитка на этот счет оказались свои представления. Может, местное пиво для крепости со спиртом бодяжили, а может, просто последняя кружка, как водится, лишней была. Как бы там ни было, проснулся Крячко с головной болью и ломотой во всех мышцах. Ночевал он у Ольшевского, больше все равно было негде. С трудом разлепив глаза, выключил будильник и поплелся в душ, благо этот элемент цивилизации Ольшевский додумался устроить в доме.

Контрастный душ привел мысли в порядок, а чашка крепкого кофе и пара таблеток аспирина помогли окончательно проснуться. Чтобы помочь желудку заработать в привычном режиме, Стас забросил в рот пару кусков колбасы все с теми же прогорклыми гречневыми хлебцами. С вечера он забыл забрать из машины остатки татарских пирожков, а тащиться до машины по темноте не хотелось.

Разговор с капитаном Звонниковым оказался весьма продуктивным. За какой-то час Крячко узнал о клубе «РуАр» столько интересной информации, сколько и за неделю своими силами не собрал бы. Информация породила массу вопросов и столько же предположений, одно из которых Стас намечался проверить в первую очередь. Он решил во что

бы то ни стало попасть на территорию клуба и пообщаться с его представителями. В то, что визитка «РуАра» оказалась в доме Ольшевского случайно, он больше не верил. Пусть его интуиции далеко до гуровской, но кое-что и он в этом деле понимает. А понимал он одно: связь между исчезновением Ольшевского и клубом наверняка отыщется, стоит только копнуть поглубже.

Расправившись с завтраком, Крячко начал размышлять, как попасть в клуб, доступ в который открывает один-единственный человек – Артем Рубан. Вчера Звонников сказал, что к Рубану так просто не подобраться, его папаша имеет вес не только в Воронеже, так что официальный вариант не прокатит. Крячко попросту не дадут разрешения побеспокоить Рубана-младшего, какие бы аргументы и факты он ни предоставил. А если учесть, что никаких фактов у него и не было, дело представлялось совершенно безнадежным.

Но Стас не унывал. Наоборот, в какой-то степени он даже радовался тому, что появилась ниточка, и неважно, что он пока не знал, как за нее потянуть. Не бывает безвыходных ситуаций, бывают люди, которые не стремятся найти выход, а он, полковник полиции Стас Крячко, к их числу не относится. Вчера последние полчаса беседы они с капитаном пытались вспомнить людей, через которых можно получить выход на Рубана. Вернее, Звонников пытался, а Крячко его активно подстегивал.

Андрей предлагал два варианта, но оба они казались шат-

кими, так как цепочка людей получалась уж больно длинной. Первый вариант – классический. Клуб Рубана расположен в пригороде, товары туда доставляют фирмой доставки. Заказы поступают в фирму под названием «Экспресс-доставка». Да, название без претензий на оригинальность, зато суть деятельности раскрывает. Эта фирма ежедневно отвозит в клуб продукты, алкоголь, табачные изделия, товары первой необходимости, а также все, что может потребоваться обслуживающему персоналу.

Лично владельца «Экспресс-доставки» Звонников не знал, но знал жену его бывшего одноклассника. Когда-то эта женщина жила в Воронеже и даже была влюблена в капитана. Взаимностью он ей не отвечал, но, приехав в Панино, знакомство возобновил. Ничего предосудительного или достойного сплетен местных кумушек между ними не было, просто приятельские отношения. Раз в месяц встреча, да пара звонков в неделю. Инициатором встреч всегда выступала она, а Андрей лишь поддерживал инициативу, не так много друзей он успел завести в поселке, чтобы отказываться от таких встреч.

Звонников предложил попробовать выйти на Рубана через эту женщину. Крячко понимал, что, пойдя они по этому пути, знакомой Звонникова придется напрягать мужа, а тому, в свою очередь, уламывать одноклассника, и неизвестно еще, выгорит ли, или все развалится на начальном этапе.

Сама идея заключалась в следующем: Крячко временно

устанавливается курьером, доставляет в «РуАр» продукты или бытовые товары, и, пока разгружают товар, он незаметно исчезает. Машина уходит, он остается в загородной резиденции и дальше действует по обстоятельствам. Технические детали данного варианта тоже вызывали опасения. Если все срастется, владелец «Экспресс-доставки» возьмет Крячко на работу, а уж каким образом тот убедит хозяина фирмы послать его в «РуАр» – забота самого Крячко. Способ не самый худший, но чересчур долгий. Время – важный фактор, поэтому-то Стас и не ухватился за него сразу.

Второй вариант – более рациональный и эффективный, но осуществить его довольно сложно. С месяц назад в загородном клубе началось строительство нового корпуса для отдыхающих. Заведовал строительством сосед Звонникова. Пойти подсобником на строительную площадку – идеальный вариант, но существует одно «но». Этот самый сосед мужиком слыл вредным, въедливым и до жути щепетильным в отношении работы. Строители в его фирме работали до седьмого пота, а от тех, кто пытался филонить, он быстренько избавлялся. Он лично следил за своими людьми, выделяя регламентированное время на обед, на перекуры и даже на посещение туалета. Как, скажите, при таком тотальном контроле проводить расследование? Что толку, если, попав на территорию клуба, у тебя не будет возможности отлучиться? Так себе перспектива. Вот и получается, что вариантов два, а зацепиться не за что.

Звонников, правда, пообещал навести справки, может, у кого-то из отдела имеется более реальная возможность выйти на Рубана, но предупредил, чтобы Крячко на это не особо рассчитывал. С полицией у Рубана были сложные взаимоотношения, основанные на давней неприязни. Он не любил сотрудников правоохранительных органов, а они недолюбливали его.

«Как бы выяснить, откуда Ольшевский взял визитку «Руб-Ара»? – в сотый раз за последние несколько часов задал себе вопрос Стас. – Быть может, и мне этот вариант подошел бы». В том, что Ольшевский проводил каждое воскресенье не на авторынке, а в клубе, он уже был почти уверен. И причина тому, в свете новых фактов, была вполне очевидна. За кружкой пива и глотком «Боржоми» Звонников рассказал, какие слухи ходят про фирму Рубана в кулуарах районных отделов полиции Воронежа. Было видно, что обсуждать эту тему с малознакомым человеком, а тем более с представителем столичной полиции, ему не хочется. Но после откровенности Крячко он просто не мог не ответить тем же.

Как выяснилось, элитный клуб Рубана имеет вес в среде состоятельных людей Воронежа не за высокое качество обслуживания, не за уникальную, по российским меркам, конфиденциальность, не за умение провести светский прием или обеспечить незабываемый досуг самому взыскательному клиенту, а за что-то совсем иное. Для того чтобы клуб процветал, ему нужна была фишка. Такая, какой нет в дру-

гих подобных заведениях. И Рубан ее нашел.

Еще с незапамятных времен, задолго до Древнего Рима с его легендарным Колизеем, где на протяжении многих веков проходили гладиаторские бои, люди жаждали зрелищ. Комедийные постановки, театральные действия, карнавальные шествия: все это находило отклик в сердцах обывателей. Но наиболее яркие впечатления, обеспечивающие максимальный выброс адреналина, приносили не спектакли и шествия, а турниры, состязания и побоища с участием животных или без таковых.

Мужчины и женщины Древнего мира желали приобщиться к чему-то по настоящему жестокому, увидеть кровь на бойцовой арене, на руках и телах гладиаторов. Желали видеть, как сильнейший возвышается над поверженным телом противника, будь то лев, пожирающий свою жертву, или человек, водрузивший стопу на грудь истекающего кровью человека. Им это нравилось, приносило некое извращенное удовлетворение. Вот, мол, какого колосса сбросили с пьедестала, а я сижу себе на каменной скамье, целый и невредимый, хотя сам с вершок, и ручки у меня короткие.

Кровавые игры продолжались почти тысячу лет, достигнув пика еще до появления Амфитеатра Флавиев, после чего интерес к ним пошел на убыль. В современном обществе и речи не шло о жестокой расправе на глазах возбужденно орущей толпы. Не было больше звериной охоты, когда слабо вооруженный гладиатор выходит против двух голодных и

разъяренных хищников. Не было и публичной расправы над осужденными преступниками, приговоренными к так называемой «казни зверями». Или только казалось, что не было?

Общественное мнение, социальные нормы и закон, конечно, против подобных развлечений, это так, но если копнуть глубже, то, по сути, ничего не изменилось. Люди, а в особенности мужчины, чьим повседневным занятием является пересчет денег, подписание договоров или скучные собрания акционеров, все так же жаждут получить свою порцию адреналина. Да, есть экстремальные виды отдыха, такие, как прыжки с парашютом, прогулки на гидродельтаплане, дайвинг с акулами, восхождение на вершину вулкана, и, как альтернатива, восхождение на ледниковую вершину в альпинистской связке. Не нравятся горы? Тогда вот вам другое предложение: спуск по горной реке на лодке-челноке, или прогулка дикарем по непролазным джунглям, со скудным запасом, включающим лишь спички и соль. И это лишь малый список того, что в наши дни испытывает на себе человек, лишь бы получить адреналиновую дозу.

Но есть категория людей, которым мало и этого. Для таких дельцы вроде Рубана устраивают игры, подобные кровавым играм Колизея. Бои без правил, травля диких зверей, петушиные бои и им подобные развлечения – вот что предлагают сегодня скучающим бизнесменам в элитных заведениях. У Рубана личной фишкой стали собачьи бои. Не слишком экзотическое развлечение, по мнению Крячко. Да, собачьи бои

в России под запретом, и даже статья, по которой полагается штраф, а то и до двух лет тюрьмы, предусмотрена.

Жестокое обращение с животными, вот как она звучит. Но на деле закон этот не работает, а правоохранителям до устроителей собачьих боев, как правило, нет никакого дела. Почему? Да потому, что доказать невозможно. Согласно статистике, за год, по настоящим обращениям со стороны инициативных групп охраны животных, в столице по этой статье возбуждают не больше десятка дел, но до суда доходит максимум два, да и те при хорошем адвокате гарантированно становятся провальными. Так чего ради правоохранителям время тратить на владельцев собак, которые грызут друг друга почем зря?

Ну, получит прокуратура заявление о жестоком обращении с животным, прочтает про устроителей собачьих боев, спустит распоряжение разобраться. Придет участковый к хозяину собаки, посмотрит на животное, на котором две-три царапины, да и те зеленкой обработанные, руку пожмет и уходит. А три месяца спустя новый бой, и пес снова в обойме. И никуда от этого не денешься. Как говорится, идеальной системы правосудия у нас еще не создали. А устроителей не трогают, потому что там такие бабки крутятся, что заведомо ясно: шансов доказать нарушение закона вообще никаких.

Вот и с Рубаном полиция не связывается, тем более что на него еще ни разу жалобы не поступали. Только собачьи бои — это еще не все. Ходят слухи, что бои эти как тотализатор ис-

пользуют. Ставки крутятся огромные, а собаки – все как на подбор, и из регионов приезжают, и местные бьются. Вроде как незаконный способ обогащения, да только поди докажи? Проходит все на участке частного землевладения, куда без санкции прокурора соваться бесполезно, а санкцию не получить, пока доказательства не предъявишь. Замкнутый круг.

Достоверно о боях и тотализаторе, устроенном на базе «РуАра», Звонникову неизвестно, всего лишь на уровне слухов, а с ними полиции разбираться – только народ смешить. И все же задуматься тут есть над чем. Визитка в доме Ольшевского в этом свете обретала новый смысл, а деньги, снятые с банковского счета, еще и усугубляли положение.

Стас полагал, что Ольшевский, каким бы образом он ни попал в клуб, устроил это исключительно ради денег. К собачьим боям он относился весьма заинтересованно. Он вообще недолюбливал собак, и неприязнь эта шла из далекого детства. Николай и дворовой собаки не держал по той же причине, и активистов от общества защиты животных чудиками считал, особенно когда те свои речи о запрете подпольных бойцовских клубов заводили. Все это Крячко было известно, поэтому он и был уверен, что выводы сделал правильные.

Ставка на тотализаторе могла существенно повысить его шанс на приобретение крутого автомобиля. Так почему бы им не воспользоваться? А то, что деньги все подчистую снял, наверное, шанс хороший выпал. Собака особо перспективная выступать должна была, а может, просто малыми сумма-

ми надоело заморачиваться, решил за раз куш сорвать. С теми, кто увлекается тотализатором, такое время от времени случается.

Но ведь он пропал. Домой какой день не возвращается. Да что домой, на работу носа не кажет. Не может быть, чтобы его исчезновение не имело связи с клубом и собачьими боями.

Стас не заметил, что просидел за кухонным столом над опустевшей чашкой больше часа. Пора было принимать решение, какой из вариантов выбрать, но он все медлил. На столе остались крошки от хлебцев, и Стас принялся собирать их, сметая раскрытой ладонью в тарелку. Чтобы ничего не пропустить, сдвинул емкости с сахаром и солью, расставленные на пластиковом поддоне, и внезапно рука наткнулась на небольшой бугорок под клеенкой. Он приподнял край, сунул руку внутрь. Пальцы наткнулись на какой-то предмет. Захватив край, Стас потянул предмет на себя, уже догадываясь, что сейчас увидит.

И не ошибся, ему в руки попал миниатюрный блокнот в дешевой обложке. Раскрыв его на первой странице, он присвистнул и начал перелистывать страницы, просматривая их одну за другой. Вот оно, подтверждение всех предположений. Ровные ряды дат и цифр, клички псов, отличившихся в определенном бою. Прогнозы на будущие бои и предполагаемые ставки.

– Вот ведь стервец! – не удержавшись, вслух ругнулся

Стас. – Столько месяцев занимается этой ерундой и ни словом не обмолвился. Ну, подожди, Николая, отыщу тебя, три шкуры спущу. Будешь знать, как от друга секреты таить.

Он долистал блокнот до последней записи. Она была датирована прошедшим воскресеньем, но ни суммы, которую Ольшевский собирался поставить на бой, ни клички пса там указано не было. Только дата, отчеркнутая тремя жирными линиями, и огромный восклицательный знак.

– Что бы это ни было, дата эта должна была много для тебя значить, – продолжал размышлять вслух Крячко, – иначе ты не стал бы ее так выделять. Что же ты задумал, дружище? В какой переплет попал?

Чтобы не пропустить ничего важного, он пролистал блокнот до самого конца. И все равно чуть не проглядел то, что искал. После последней записи шли пустые листы, вплоть до обложки. Крячко даже потряс блокнот, раскрыв пальцами страницы. Ничего не выпало, и он в сердцах бросил его на стол. Тот упал обратной стороной вверх, яркая лампочка, которую Стас не удосужился отключить после того, как рассвело, дала отблеск от глянцевой поверхности, и он застыл. Затем снова схватил блокнот в руки и поднес к свету. На гладком синем фоне четко виднелись черточки и палочки, которые, при желании, наверняка можно было сложить в слова.

Будь у Крячко специальный состав, помогающий криминалистам снимать отпечатки пальцев, он уже через секун-

ду смог бы прочесть запись, но таковой в наличии не оказалось. Стас окинул взглядом кухню, размышляя, чем можно заменить необходимый состав. Мука, соль, перец и им подобные сыпучие продукты не подходили однозначно. Они не заполняют неглубокие вмятины, оставленные ручкой, а лишь испачкают поверхность. Можно было попробовать использовать зубную пасту. Растереть по гладкой поверхности тонкий слой, а затем снять лишнее полотенцем, но он не был уверен, что, втирая пасту, не нарушит целостность записи, и направился в комнату.

Проходя через узкий предбанник, взгляд его зацепился за обувную тумбу. На самой верхней полке стояла баночка с черным кремом, а сверху, под колпачком, новехонькая губка с пластиковым держателем.

– А вот это то, что мы ищем, – довольно произнес Крячко.

Он схватил банку с кремом и вернулся в кухню. Набрав щедрую порцию крема, начал аккуратно промакивать обложку, насыщая им поверхность. Способ сработал «на ура». По светло-синему фону черная запись проявилась почти идеально, и к свету подносить не пришлось.

– Вот ведь, мать твою! – Голос Крячко внезапно осип. – Я сутки себе голову ломаю, а решение вот оно, можно сказать, под рукой было.

Он сдернул со стула куртку, просунул левую руку в рукав, и тут она завибрировала. «Телефон, будь он неладен», – досадуя на то, как не вовремя пришел звонок, Стас заторопил-

ся, думая, что звонит капитан, и рука запуталась во фланелевой подкладке. Чертыхаясь и проклиная тех, кто придумалшить куртку с ворсистой подкладкой, Стас кое-как освободился, выудил из кармана телефон и нажал кнопку приема вызова.

– На последнем гудке успел, – услышал он голос Гурова. – Совсем загонялся, или спишь еще?

– Давно проснулся, – начал Крячко. – Да тут и не до сна.

– Друг твой не объявился, я полагаю, – по тону напарника догадался Лев.

– Нет, Лева, не объявился. Но подвижки есть.

– В полицию ходил? – делая ударение на слове «полиция», спросил Гуров.

– В участке не был, заявление не писал, если ты об этом. Но с кое с кем из полиции пообщался. Можно сказать, он сам меня нашел.

– Что, есть какие-то сведения об Ольшевском?

– Да нет, это я образно выражаюсь, – пояснил Крячко. – Вчера, от нечего делать, в бар зашел, там и познакомились.

– С участковым?

– Капитан Звонников, он здесь, в Панино, служит. Хороший мужик оказался. Толковый. Помог мне с фирмой разобраться. Тут у них такие дела творятся, доложу я тебе. – Стас бросил взгляд на блокнот и хотел уже рассказать Гурову о находке, но тот вдруг снова завел старую песню о том, что дело надо поручить профессионалам.

– Мой тебе совет, Стас, не занимайся самодеятельностью, и капитана своего с верного русла не сбивай. Пятый день человека нет, а ты в сыщиков играешь. Еще вчера надо было его в розыск подавать. Сам же знаешь, что самостоятельные поиски должного результата не принесут. Ольшевский пропал в городе-миллионнике, как ты собираешься его искать? По улицам ходить и «ау» кричать? Нет, Стас, на этот раз придется поработать в команде.

– Да ты погоди наставника включать, – начал горячиться Крячко. – У нас тут подвижки наклюнулись. Капитан Звонников обещал кое-что пробить, а еще я тут кое-что на...

Но Лев снова не дал договорить, прервав друга на полуслове:

– Не упрямясь, Стас, сделай все, как полагается. Иди в полицию, да не в Панино, а сразу в Воронеж. Посоветуйся со своим капитаном, к кому лучше обратиться, чтобы дело на самотек не пустили.

– Да говорю же тебе, подвижки у нас, – предпринял Стас еще одну попытку рассказать Гурову про находку. – Я ведь не сидел сложа руки, теперь у меня есть от чего оттолкнуться.

– Вот и отлично! Придешь в полицию, следователю о своих находках доложишь, вместе и подумаете, как их лучше применить, – стоял на своем Гуров.

– Ладно, уломал. Так я и сделаю, – решил схитрить Крячко. А про себя подумал, что вот получит доказательства, оты-

щет друга, тогда и расскажет Гурову, что его советы не всегда полезны.

– Ну, это совсем другое дело, – обрадовался Лев. – Садись в машину и езжай прямо сейчас. А хочешь, я у ребят справки наведу, найдем выходы на толковых парней из воронежских оперов или следаков?

– Да не нужно, Лева, я у Звонникова спрошу. Он пару лет назад сам в Воронеже служил, – поспешил отказаться Стас. Забота Гурова ему сейчас была совсем не к месту, поэтому он поспешил закончить разговор. – Ладно, побежал я. Завтра с утра тебе позвоню.

Он сбросил вызов, еще раз прочел запись с обложки, аккуратно завернул блокнот в целлофановый пакет и сунул его в задний карман брюк. Выскочив из дома, сел в машину и поехал в сторону Воронежа. С капитаном Звонниковым он созваниваться не стал, опасаясь, что тот, так же, как и Гуров, станет его отговаривать. «Хватит с меня советчиков, – ворчливо думал Стас. – В конце концов, это мое личное дело. Мое и моего друга, а остальные пусть о себе беспокоятся. Я уже не мальчик, и в сыском деле кое-что понимаю. Все будет хорошо. Теперь уж точно».

Крячко вырулил на воронежскую трассу, машина плавно влилась в оживленный поток, а спустя час он уже стоял возле старенькой хибарки, адрес которой был указан на блокноте. Домишко, к которому привела его находка, впечатление производил удручающее, да и местность оставляла же-

лать лучшего. Слава о Левобережном районе Воронежа, а в особенности о «Машмете» и его беспредельщиках докатилась даже до столицы. Были времена, когда по стране ходили анекдоты про криминальный «Машмет», и даже в кавээнках шутки про «пацанчиков» с «Машмета» имели неременный успех. Сейчас же на районе стало спокойнее, но Крячко показало, что дома до сих пор несут на себе отпечаток прежних времен.

Это обстоятельство обескураживало. Крячко полагал, что человек, чей адрес Ольшевский записал на блокноте, должен был оказаться небедным, а тут вдруг эта развалюха. А как же круглые суммы, что, по слухам, имели владельцы породистых бойцовских псов? Непонятно. Стас дважды сверился с записью, прежде чем постучать в калитку, вызывая хозяйку. Контраст между новехоньким забором из окрашенного профиля и домом, по окнам вросшим в землю, выглядел гротесчно, но хозяину, видно, на это было наплевать.

На стук отозвался целый хор собачьих голосов. Разглядеть, что творится во дворе, Крячко не мог, в заборе реально не было ни одной щели. Не прошло и минуты, как лай стих, и он услышал слабое жужжание моторчика.

– Пылесос у меня есть, увлажняющими кремами не пользуюсь, и вообще на дух не переношу навязчивых продавцов, – донеслось из-за забора. Судя по голосу, обладатель его возраста был преклонного.

– Я ничего не продаю, – поспешил ответить Крячко, опа-

саясь, что суровый хозяин уйдет. – Я друг Николая Ольшевского. Знаете такого?

– Колькин друг, говоришь? Любопытно, – прозвучало из-за забора. – Ну, заходи, друг. Посмотрим на тебя.

Зажужжал еще один моторчик, и калитка отъехала в сторону. Стас шагнул во двор и встретился взглядом с хозяином. «А ты не так стар, как мне показалось», – мысленно произнес он. На вид мужчине и правда едва ли перевалило за сорок, но это было не единственным обстоятельством, которое привело Крячко в недоумение. Мужчина сидел в инвалидном кресле, и, судя по пустым штанинам, свисающим до самой земли, обе его ноги отсутствовали. Заводчик бойцовских собак без ног – явление редкое. Но из добротного сарая, отстоящего от дома метрах в десяти, доносился многоголосый хор собачьих голосов, и это свидетельствовало о том, что отсутствие ног на пристрастиях хозяина никак не отразилось.

– Что застыл? Или инвалида никогда не видел? – грубовато произнес мужчина. – Тебя как звать-величать?

– Стас. – Крячко протянул руку для рукопожатия. – Стас Крячко, давний друг Ольшевского.

– А я – Вадим Пряхин, тоже друг Ольшевского, – встряхнул тот протянутую руку. Рукопожатие оказалось крепким. – Зачем пожаловал, Стас Крячко, друг Ольшевского?

– В дом пригласите? Разговор у меня к вам не из простых, как-то не с руки у калитки вести.

– Ну, пойдём, чаем тебя напою, – предложил Пряхин. – И раз уж мы с тобой собираемся общаться на серьёзные темы, то официоз оставь за калиткой.

– Я только «за», – кивнул Стас.

Пряхин нажал какой-то рычажок на пульте, пристроенном к подлокотнику кресла, и калитка вернулась на место. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, он покатил к крыльцу. К вящему удивлению Крячко, ветхое крыльцо имело пандус. Настоящий, с полозьями точно в размер кресла. Пряхин легко поднялся к входной двери, толкнул ее внутрь и скрылся в доме. Крячко последовал за ним.

Тут его ожидал новый сюрприз. Если снаружи дом выглядел, как настоящая развалина, то внутри все сияло и блестело новизной и современностью. Вместительные сени, отделанные деревянной вагонкой и покрытые лаком. Дорогим яхтенным лаком, насколько мог судить Стас. Из сеней дверь вела в кухню. Она оказалась оснащена по последнему слову техники: шикарный кухонный гарнитур, оформленный под стиль «хай-тек», сплошной хром, правильные геометрические формы и черно-белая цветовая гамма. О том, как выглядят остальные комнаты, Крячко мог только догадываться, дальше кухни Пряхин его не повел. Ткнул пальцем в сторону кожаного кресла и велел садиться.

Сам же подъехал к низким столам-тумбам, сделанным с таким расчетом, чтобы до любого предмета можно было дотянуться с высоты инвалидного кресла, и щелкнул чайни-

ком. Загрели чашки, добытые из тех же самых шкафов, после них на свет появились вазочка с вареньем и блюдо с ватрушками. Все это он выставил на сервировочный столик, после чего снова развернулся, окинул Крячко внимательным взглядом и спросил:

– Может, голодный? У меня на ужин запеканка мясная была, могу поделиться.

– Спасибо, в другой раз, – вежливо отказался Стас.

– Обьесть меня боишься? – усмехнулся Пряхин. – Зря. Я готовить люблю, и, надо заметить, получается это у меня весьма неплохо. Не передумал насчет запеканки?

– Да хрен с тобой, уломал, – махнул рукой Стас. – Если честно, пожрать как следует я люблю.

Пока грелась запеканка и закипал чайник, разговор шел ни о чем. О погоде, о новостях столицы, о том, какое впечатление на московского гостя произвел Воронеж. Но, как только с приготовлениями к чаепитию было покончено, Пряхин посерьезнел. Было видно, что ему не терпится узнать о цели визита гостя, и он едва сдерживается, но воспитание не дает ему начать задавать вопросы, пока тот не доел. Крячко это понял и поспешил расправиться с щедрой порцией картофеля и мясного фарша. Прожевав последний кусок, он отставил в сторону пустую тарелку и произнес:

– Я к тебе с просьбой. Мне бы в «РуАр» попасть. Можешь помочь?

– Что ты там забыл? – нахмурился Пряхин. – На твоём

месте я бы от этой фирмы за восемь верст бежал.

Вопрос Пряхина прозвучал как формальность, поэтому отвечать на него Стас не стал, а, в свою очередь, спросил:

– Николай ведь туда захаживал, верно?

– Возможно, – уклонился от прямого ответа Пряхин. – Тебе-то что там делать? У тебя, небось, и десятка тысяч не наберется. Причем ни наличными, ни по банковскому счету.

– Имеешь в виду вступительный взнос? – догадался Крячко. – Согласен, денег у меня немного, а про то, чтобы выкупить членский билет, я и не помышляю. У меня на то другие причины.

– Вот как? Любопытно.

– Что именно любопытно?

– Да то и любопытно, что у Кольки вообще друг всплыл, а еще любопытнее, что он так жаждет сунуть голову в кишашую крокодилами реку. Точно так же, как сам Колька. Не помню, чтобы он хоть раз о тебе упоминал. А ты говоришь – друг. Разве такое бывает?

– Выходит, бывает, – пожал плечами Стас. – Дружим мы не первый год, иногда встречаемся, а то, что он про меня не говорил, еще ничего не значит. Я вот тоже про него на каждом углу не горланю. И вообще, в чем проблема-то?

– А в том, что вот ты явился сюда, весь такой московский и деловитый, и давай выпрашивать карточку для входа в закрытый клуб, в который королеве Великобритании вход заказан, – начал Пряхин. – Я знать тебя не знаю, и что, должен

услуги тебе оказывать только потому, что, ты фамилию Ольшевский выучил?

– Ладно, не кипятись, – примиряюще произнес Крячко. – Не хочешь помогать, не надо, как-нибудь сам справлюсь. Только сначала выслушай, ради чего я туда рвусь.

– Известно, ради чего, – усмехнулся Пряхин. – Бабосиков влегкую срубить захотел. Все вы туда ради этого рветесь.

– Не нужны мне бабосики, – перебил его Стас. – Я друга ищу. Ты знаешь, что Ольшевский пропал?

– Пропал, говоришь? И давно?

– Сегодня пятый день, как из дома уехал.

– Всего-то? – снова усмехнулся Пряхин. – Мало ли где холостой мужик при деньгах зависнуть может. Что ж, каждого с собаками искать?

– Он с деньгами пропал, и в цеху никого не предупредил. Похоже это на то, что он с красоткой отжигает? Нет, другой мой, непохоже.

– Сколько бабок при нем? – посерьезнел Пряхин.

Когда Стас назвал сумму, Пряхин присвистнул, с полминуты размышлял, а потом выдал:

– К понедельнику вернется.

– Да что ты! Так вот с ходу все и выяснил, все вопросы разрешил и дату обозначил? – съязвил Крячко. – А не подскажешь ли мне, баба Ванга, на каком автобусе он прикатит? Я его с калачами встречу.

– Говорю тебе, к понедельнику вернется. – Голос Пряхина

звучал уверенно. – Панику не разводи. Вернется он. А насчет «РуАра» забудь, не суйся туда, мой тебе совет.

– Засунь свой совет знаешь куда? – разозлился Стас. – Плевать мне на твои предсказания, у меня своих полные штаны! Отвечай: поможешь мне в «РуАр» попасть или нет?

– Не кипятись, парень, – остановил его Пряхин. – На то, чтобы дату назначать, есть основания. И насчет фирмы я не шучу. Делать тебе там нечего. Рубан таких, как ты, на завтрак жрет.

– Я, между прочим, тоже не лыком шит, – возмутился Крячко. – Как-никак полковничьи погоны ношу. И служу не в Мухосранске, а в столичном МУРе.

– Вот и я о том же. Не будут тебе там рады, – заметил Пряхин. – Рубан и сам крутой перец, но отец его в десять раз круче. И оба вашего брата-мента на дух не переносят. Допустим, помогу я тебе, научу, как на территорию клуба попасть, как друга твоего научил. Сколько ты там продержишься, как думаешь?

– Столько, сколько будет нужно, чтобы убедиться, что с Ольшевским все в порядке. Он ведь там, верно?

– Наверняка, – подтвердил догадку Крячко Пряхин. – Только твоему вмешательству он рад не будет, помяни мое слово.

– Рассказывай, что нужно делать. Наставления читать мне незачем, все равно по-своему сделаю.

Какое-то время Пряхин снова молчал, затем подкатил

кресло к шкафу, устроенному по принципу картотечного, выдвинул один из ящиков, покопался в его содержимом. Зажав в руке небольшой пластиковый прямоугольник, вернулся к столу.

– Вот, держи. Этот пропуск даст тебе возможность беспрепятственно пройти на территорию клуба. Будут спрашивать, откуда он у тебя, отвечай честно. Пряхин дал, с рекомендациями. Захвати с собой денег, они проверять будут. Отведут тебя к северным воротам, там у них что-то вроде отстойника для таких, как ты. Про погоны свои забудь. Не смей даже думать о них, понял?

– Что за хрень там происходит? – невольно понизив голос, спросил Крячко. Тон, которым говорил Пряхин, настораживал.

– Там узнаешь, – пообещал Пряхин. – Главное, рот поменьше открывай, а то до отстойника тебя не доведут и на рекомендации не посмотрят.

– Что в этом отстойнике?

– Ты что, слушать совсем не умеешь? Говорю же, такие, как ты, – поморщился Пряхин. – Как попадешь в здание, сразу никуда не лезь. Пережди часа три. Они наблюдать будут. Потом можешь идти по номерам. В одном из них Кольку и найдешь. А когда найдешь, сразу вали оттуда. Вызывай охрану и заявляй, что передумал.

– О чем передумал? – недоуменно переспросил Стас.

– Просто передумал, и все, – разозлился Пряхин. – Что с

тобой, парень? Неужели не понятно: не стану я тебе секреты Рубана сдавать. Пропуск и то только ради нашей с Ольшевским дружбы выделяю. Обеспокоил ты меня своими подозрениями, вот я и хочу совесть очистить, чтобы спать по ночам не мешала. Когда на волю выйдешь, не забудь ко мне заглянуть. Извинения принести и в моей правоте сознаться. А сейчас уходи, у меня режим.

Пряхин вдавил кнопку на пульте, кресло плавно покати-лось к двери, расположенной на дальней стене. Минуту спустя дверь за ним закрылась, и Крячко остался в кухне один. Какое-то время он сидел в кресле, переваривая то, что посчитал нужным сказать Пряхин, затем поднялся и вышел из дома.

Глава 6

Полковник Гуров сидел в кабинете на Петровке, поминутно смотрел на часы и раз за разом набирал один и тот же номер телефона. Вот уже два часа кряду он пытался дозвониться до Стаса Крячко. Вчерашний утренний разговор принес успокоение только на время, но раз уж они с Крячко договорились, что тот перезвонит сам, Гурову оставалось только ждать. В конце концов, не мамка же он ему, чтобы действия его на контроле держать. Он и ждал. Терпеливо ждал. Примерно до одиннадцати. А потом терпение кончилось, его сменило раздражение, а затем и тревога.

Откуда она взялась, зараза такая? Ну что, скажите на милость, может случиться с взрослым мужчиной, полковником полиции в многомиллионном городе? По идее – ничего плохого произойти не может, и все же тревога лишь нарастала. Проходили минуты, Крячко не звонил, а Гуров места себе не находил от беспокойства. В одиннадцать не выдержал, набрал сам, и металлический голос ответил, что телефон вне зоны действия сети. Отлично, подумал Лев, можешь расслабиться, Крячко просто в полях где-то застрял, куда вышки сотовой связи еще не добрались, поэтому и не звонит.

Он и собирался расслабиться, дождаться вечера и только тогда повторить попытку, но пальцы сами потянулись к кнопке повторного набора. И снова с тем же результатом.

Один звонок сменял другой, и каждый раз Лев получал один и тот же ответ, но перестать набирать номер друга не мог. К концу второго часа он уже так себя накрутил, что плюнул на текущие дела, убрал документы в сейф и отправился в кабинет генерала.

Генерал Орлов оказался на месте. Минут пять поболтали о том о сем, обсудили планы на следующую неделю, а затем плавно перешли к предстоящим выходным. Пятница выдалась на удивление легкая в плане работы, погода за окном стояла шикарная, прогноз на последующие субботу и воскресенье благоприятствовал отдыху на свежем воздухе, и Орлов, заядлый дачник, пустился в долгие рассуждения о пользе физического труда на свежем воздухе. В эти выходные он собирался вместе с семьей ехать на дачу, готовить теплолюбивые растения к долгой зиме, и эта перспектива его радовала.

Какое-то время Гуров слушал рассуждения генерала, пока тот не начал уговаривать его присоединиться к их компании и вместе с женой отдохнуть на лоне природы. Тут Лев вежливо отказался, откашлялся и выложил просьбу, с которой явился в кабинет Орлова.

– Мне бы отгул, Петр Николаевич, – попросил он. – А лучше три. С учетом выходных, это пять дней получается. У меня тут кое-какие планы наклюнулись.

– С Машей куда-то собрались? – спросил Орлов.

Гуров подумал, что будет совсем уж непорядочно, если он

солжет насчет поездки в компании жены, которую генерал прекрасно знал, уважал и любил, и отрицательно покачал головой:

– Хочу к Крячко присоединиться. Отгулами у меня уже пара недель накопилась, пора бы и тратить начать.

– К Крячко? Это в Воронеж, что ли, собрался? Что ты там забыл, Лева? Рыбалка? Охота? Или снова криминал? – нахмурился Орлов, намекая на случай, когда Крячко и Гуров отправились к другу первого поохотиться на уток, а вместо этого охотились на маньяка-убийцу. – Тебе прошлого раза не хватило?

– Друга надо поддержать, – уклончиво ответил Лев.

– Ладно, надо, значит, надо. Препон строить не буду. Официально даю тебе три дня отгулов. И от себя лично – полдня пятницы. До двух в отделе побудь, а потом можешь проваливать. Хоть к Крячко, хоть к самому лешему, – заявил Орлов. – Только смотрите у меня, чтобы на этот раз без убийц и криминала.

– Слушаюсь, товарищ генерал! – Гуров козырнул и поспешно вышел из кабинета, желая избежать расспросов.

Вернувшись к себе, снова попытался дозвониться до Крячко, и вновь безрезультатно. Тогда он подошел к столу друга, открыл верхний ящик и достал оттуда блокнот. В этом блокноте Крячко собирал адреса и телефоны нужных людей, а также друзей, которые живут в разных городах необъятной Родины. Адрес Ольшевского нашелся быстро. Перепи-

сывать его Лев не стал, в таких вопросах память его никогда не подводила, ему хватало раз взглянуть на запись, чтобы запомнить на долгие годы. Он надеялся найти там же и телефон Ольшевского, вдруг тот все же объявился, и друзья просто-напросто отдыхают в каком-нибудь шумном баре, несмотря на ранний час, но номера в блокноте не оказалось.

Задвинув ящик, Лев сел за свой стол, включил компьютер и загрузил карту Воронежской области. Построил маршрут, отключил технику и, взглянув на часы, решил, что пора выдвигаться. На сборы много времени не понадобится, а вот разговор с женой предстоит не из приятных. Гуров предпочел бы отделаться телефонным звонком, но в этом случае по возвращении его ждал бы не теплый прием, а ледяное молчание не на один день. Жертвовать отношениями с женой он не собирался даже ради друга, поэтому решил переговорить с ней лицом к лицу.

Жена Гурова была актрисой ведущего московского театра, что служило поводом для гордости полковника, но приносило ему и немало хлопот. Красавица Мария Строева отлучки мужа не любила. И это еще мягко сказано. Если быть честным до конца, Мария их ненавидела. Всякий раз, когда муж заводил разговор о том, что ему предстоит уехать на несколько дней, на лице Марии появлялось такое выражение, от которого у Гурова все внутри сжималось.

Нет, она не ворчала, не ругалась и вообще никак не выражала своего недовольства. Напротив, сразу же переходила к

техническим вопросам, типа: сложи в дорожную сумку теплую куртку, вдруг погода испортится, или, не забудь смену белья. Напоминала о зубной щетке, мочалке и носовых платках. Собирала контейнеры с едой, советовала, в какой магазин лучше заехать за выпечкой, так как выпечка в дороге – вещь незаменимая. И все бы было хорошо, если бы не это выражение тоски и подавленности.

Расставания Мария не любила еще и по той причине, что самой ей по роду деятельности довольно часто приходилось уезжать от мужа. Гастроли случались три-четыре раза за год, а летом, как правило, наступали времена многодневных туров, и длилось это не один год. Казалось бы, пора привыкнуть, а вот не привыкалось. Сам Гуров тоже не любил, когда уезжала жена, к своим же отлучкам относился философски. Работа обязывает. Но в данном случае его отъезд с работой связан не был, и ему предстояло сказать об этом жене. Он был уверен, как только Мария узнает о причине отъезда, она его поддержит, но выражение лица станет таким непередаваемо жгуче-беспомощным, что Гуров почувствует себя не просто виноватым. Он почувствует себя преступником. Взять и украсть радость у самого близкого человека. Каково это? Хреново.

Домой Лев не поехал, а отправился в театр. Сегодня у жены прогон, последняя репетиция перед премьерой. Это обстоятельство усугубляло проблему. Мало того, что он уезжает, так еще и накануне премьеры. Не попадет на спектакль,

к которому Мария готовилась почти полгода. Не увидит ее блистательной игры, не услышит, как зал обрушит на актеров море оваций. Не принесет букет, который жена выделит из множества букетов и поставит на гримировочный столик. Но ситуация сложилась так, что он не может отложить поездку даже на день. И это тоже предстояло объяснить жене.

К театру Гуров подъехал около трех часов. В это время труппа, как правило, устраивалась в театральном буфете на перекус. Лев прошел с черного хода, где женщина-вахтерша следила зорким взглядом за тем, чтобы в театр не лезли посторонние. Гуров посторонним не был, в театре его знали все и относились весьма благосклонно. Еще бы! Браки людей, связанных с театром, распадаются чаще, чем деревья листву сбрасывают, а вот Марии повезло. У них с мужем полное доверие и взаимопонимание на протяжении стольких лет. Это заслуживает уважения.

Коротко кивнув вахтерше, Лев выяснил, где искать жену, и прошел в буфет. Мария сидела за угловым столом перед тарелкой с неаппетитным салатом, потягивала сок через трубочку и мило улыбалась смазливому парнишке, сидящему напротив. Тот разливался соловьем перед известной актрисой, выворачиваясь наизнанку, чтобы ей понравиться. Мария сценой явно наслаждалась. Ее всегда смешили молодые актеры, которые, начитавшись журналистских статей, надеялись пробиться в выдающиеся актеры с помощью актрис, уже имеющих в театре вес. Против невинного флирта Мария

никогда не возражала, но что касалось остального, тут она держала дистанцию. Те, кто проработал в театре достаточно долго, об этом знали, но вот новоиспеченные актеры находились в неведении. До тех пор пока Мария не ставила их на место. Иногда мягко, а иногда и жестко, даже безжалостно. Все это Гурову было известно, и он относился к ситуации с достаточной долей иронии.

Сейчас же присутствие молодого человека его раздосадовало. Он знал, что Мария, ведя свою игру, может заставить молодого человека присутствовать при разговоре. До определенного момента, разумеется, но все же... Гурову же совсем не хотелось заводить неприятный разговор в присутствии туповатого денди.

Мария увидела мужа сразу, как только тот переступил порог буфета. Как-то так всегда получалось, что она безошибочно угадывала его появление и даже в шумной толпе сразу находила его глазами. Чувствовала, что ли? Гуров не знал, но его это всегда радовало. Вот и сейчас Мария призывно помахала рукой, показывая, что заметила его появление. Лев подошел к столику, наклонился и поцеловал жену в щеку. Денди сразу сник, подхватил тарелку и, бормоча что-то вроде: о, простите, меня, кажется, зовут, исчез из поля зрения. К вящей радости Гурова, Мария останавливать его не стала.

Правда, радость длилась недолго. Лев еще сказать ничего не успел, а на лице жены уже появилось то самое ненавистное выражение – жена сразу догадалась, зачем он здесь. «Тем

лучше, – подумал он. – Значит, все пройдет быстрее, чем я рассчитывал».

– Когда?

Как ни готовился Гуров к этому вопросу, он все равно прозвучал неожиданно. Торопиться с ответом Лев не стал. Придвинул освободившийся стул вплотную к стулу жены, присел рядом, взял ее руку в свою и нежно поцеловал.

– Избавь меня от этих театральных жестов, – поджав губы, произнесла Мария и легким движением освободила руку из ладони мужа.

– Маш, ну, прости, – виновато потупился он. – Обстоятельства требуют.

– Твоего Орлова нужно к пожизненному заключению в одиночной камере приговорить, – выдала Мария. – Какой раз он срывает мою премьеру? Восьмой? Десятый? Он что, анонсы не читает?

– Орлов здесь ни при чем, – заступился за генерала Гуров.

– Значит, Крячко, – сделала вывод Мария. Гуров промолчал, а она продолжила: – Ну, конечно! Если не Орлов, так Крячко.

– Маш, думаю, он в беду попал, – начал Лев.

– Меня это не интересует, – отмахнулась Мария. – Когда и насколько? Вот что мне интересно.

– Сегодня. Насколько, не знаю. Орлов отпустил до четверга, – выпалил Гуров, чтобы поскорее проскочить самый неприятный момент разговора.

– Ясно.

Слово упало, как булыжник на мостовую. Больше Мария ничего не добавила, а Гуров не знал, чем ее утешить. Так и сидели, глядя в пол. Как всегда, тягостное молчание прервала Мария:

– Дорожная сумка в кладовой на третьей полке. Бери ту, что поменьше. Теплый свитер в сушилке, я его только вчера постирала. Смену белья не забудь, а то снова придется в супермаркете что попало покупать.

– Машуль, я постараюсь как можно быстрее, – заговорил и Гуров. – До Воронежа недалеко. К ночи доберусь, утром выясню обстановку, найду Крячко, навтыкаю ему по первое число и обратно.

– В холодильнике копченые куры в вакуумке. Забери всю. Срок годности там приличный, не протухнут. Консервы не бери, все равно есть не станешь, – продолжала Мария, будто не слыша оправданий мужа. – Овощи в нижнем контейнере, сложи в пакет, а то помидоры раздавишь. Возьми обязательно, мне все равно все не съесть, жалко, если пропадут.

– У него друг пропал. Снял крупную сумму в банке, хотел машину купить, и пропал. Пятый день на связь не выходит. Крячко полагает, что дело в деньгах. Может, и так. Сумма немалая, а отморозков в России еще никто не отменял.

– На углу открыли новый магазинчик, он очень чистый, товары там все свежие и цены демократичные. Выпечка вкуснящая. С начинкой не бери, сейчас не лето, но в машине

может и закиснуть. Пончики там, пальчики оближешь, с целой горой сахарной пудры, – невозмутимо продолжала Мария.

– Да плевать мне на пудру! – не выдержал Лев. – Маша, я ведь не нарочно! Не могу я его бросить. И отложить поездку не могу. Не могу тебе объяснить, просто чувствую: Стас попал в беду, и его нужно выручать. А кто это сделает, если не я?

– Я и не пытаюсь тебя отговаривать, – смягчилась Мария. – Делай то, что должен, я справлюсь. Будут и другие спектакли. А хочешь, я попрошу Стаса из рекламного, он весь спектакль целиком запишет и копию тебе перешлет? Не будешь же ты двадцать четыре часа в сутки Крячко выручать? Выпадет свободная минутка – посмотришь.

– Нет, не нужно. Вернусь, посмотрю спектакль вживую, – отказался Гуров.

– Тебе пора? – догадалась Мария.

– Надо бы ехать, – кивнул Лев. – До Воронежа пятьсот верст.

– Тогда езжай. Нас уже на репетицию зовут. Вон Лиана как руками машет, – произнесла Мария. – Иди, дорогой, как приедешь, позвони.

– Я сообщение отправлю, ты в это время уже спать будешь.

– Ну, отправь, – согласилась она, чмокнула мужа в щеку, на секунду прижалась к нему всем телом и выпорхнула из

буфета.

Гуров с минуту посидел за опустевшим столом, затем поднялся и тоже вышел.

Домой он попал без четверти четыре. Покидал в сумку вещи, опустошил холодильник, из шкатулки взял наличные и вернулся в машину. Прежде чем запустить двигатель, снова набрал номер друга. Ответа не получил, что только усилило уверенность в том, что решение отправиться вслед за Крячко является верным. Лев вывел машину со двора и поехал по направлению к Воронежу. Путь предстоял неблизкий. Чтобы не было так тоскливо, он включил радио, нашел волну, передающую сводку спортивных новостей, и, под воодушевленные звуки голоса спортивного комментатора, полностью ушел в свои мысли.

Он представления не имел, с чего начнет поиски, добравшись до Воронежа. В доме Ольшевского ему делать нечего. У Крячко глаз наметанный, если он ничего стоящего не обнаружил, значит, и Гурову там ловить нечего. А вот капитан Звонников в этом плане был куда перспективнее. Сведения, которыми тот владеет, принесут пользы намного больше, чем содержимое шкафов Ольшевского. Впрочем, капитан Звонников может и не пожелать откровенничать с полковником Гуровым, но это не проблема. Уж он найдет способ разговорить парня.

Дальше Гуров будет действовать по обстоятельствам. Исчезновение Ольшевского напрямую связано с исчезновени-

ем Крячко. Лев не был до конца уверен, что Стас действительно пропал. Скорее всего, он находится в таком месте и в таких условиях, что просто не может названивать по телефону. Но если нет, можно попытаться отследить его местонахождение через оператора сотовой связи. Подумав об этом, Гуров чертыхнулся, съехал на обочину и набрал номер капитана Жаворонкова. Жаворонков работал в Управлении много лет и в таких ситуациях был незаменим. К тому же он всегда был на связи, когда бы ни понадобился Гурову. Вот и сейчас он снял трубку после второго гудка и, похоже, вовсе не удивился звонку.

– Добрый вечер, товарищ полковник. Что-то срочное?

– Привет, Валера, – поздоровался Гуров. – Ты, как всегда, угадал. Дело срочное и, как бы это помягче сказать, сугубо конфиденциальное. Личное дело, понимаешь, Валера?

– Я понял, Лев Иванович. В чем суть проблемы? – деловито осведомился Жаворонков.

– Нужно, чтобы ты отследил аппарат Крячко. Тихо, быстро и без лишней огласки. Справишься?

– Официальный запрос отпадает, как я понимаю? – уточнил Жаворонков. – Просто это самый быстрый способ.

– Отпадает, Валера. Никаких официальных запросов. У тебя ведь есть выходы на сотовых операторов?

– Так точно, товарищ полковник. Срок часа в три-четыре вас устроит? – В трубке Гурова защелкало. Это означало, что Жаворонков приступил к выполнению задания.

– Устроит, Валера. Выбора-то все равно нет, – ответил Лев.

– Сами перезвоните, или результат сообщением прислать?

– Лучше перешли, – сказал Гуров и отключился.

Машина снова взяла направление на Воронеж, и мысли его заработали активнее. Теперь появилась надежда и без помощи Звонникова выяснить местоположение Крячко. Хотя надеяться на этот способ поиска Гуров не любил. Трубка может оказаться в любом месте, настолько далеко от ее владельца, что только время на дорогу потратишь. И все же – это зацепка. Лев пытался восстановить все, что успел рассказать ему Крячко. Он злился на себя, что не выпросил у друга о новых обстоятельствах, о которых тот упоминал прошлым утром. Все, что удалось вспомнить, – это фамилию капитана, с которым Крячко выпивал накануне в баре, да планируемую поездку на автомобильный рынок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.